

05,3



XI годъ
ИЗДАНІЯ
—
1907 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на

„Театръ и Искусство“

на годъ 7 руб., на полг. 4 руб.

(Привлож.: ежемѣсячный журн. „Библиотека
Театра и Искусства“).

Отд. ММ по 20 к.

Объявл.—40 к. строка петита (въ 1/8 стран.
позади текста, 50 к.—передъ текстомъ).

С.-Петербургъ. Гороховая, 4.

Телеф. 1669.

Адресъ для телеграммъ:

С.-Петербургъ. „Театръ Искусство“.

„Исторія одного города“.—Благотворительный спектакль.—
Замѣтки.—Маленькій фельетонъ. П. Пемородова.—Хроника.—Путь
къ драмѣ. Ю. Бабя.—„Закалдованный кругъ“ И. Гримеской.—
Первые шаги великой артистки. Рубо.—Театральныя замѣтки.—
А. Курелл.—Харьковскія письма.—Г. Тавридова.—Провинціальная
лѣтопись.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Рисунки и портреты: И. О. Пальминъ, г-жа Друзякина,
„Честный человѣкъ“ (2 рис.), „Ришелье“ (2 рис.) шаржи.

Приложеніе: „Библиотека Театра и Искусства“, кн. III.
„Изъ предисловія Дюма-сына“ (Къ L'etrangère) (Окончаніе).—„Актри-
са“ (Оконч.). Повѣсть Генриха Манна. Перев. съ нѣмецкаго
Е. К.—„Изъ воспоминаній о Генри Ирвингѣ“. (Продолж.). Перев.
съ англійскаго М. П.—Стихотворенія. Зои Бужаровой и А. Мюс-
саръ-Викентьева.—„Недруги“, п. въ 4 д. Евтилія Карпова.

Второй взносъ.

Со слѣдующаго № 13 будетъ приоста-
новлена высылка журнала г-д. под-
писчикамъ въ разсрочку, не сдѣлавшимъ къ 1-му апрѣля второго взноса.

№ 12.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 25 МАРТА.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

„ТЕАТРА и ИСКУССТВА“: въ С.-Петербургѣ—въ кіоскахъ Пташникова, въ книжн. магазин. „Новаго Времени“, въ театральной библиотекѣ Н. С. Волкова-Семенова, въ Пассаждѣ, въ концелярии Театральной Общества и др.; въ Москвѣ—въ кіоскахъ, въ конторѣ О. Печковской, въ бюро театр. Общ. и др.; въ Кіевѣ—въ кіоскѣ „Юго-Западная Недѣля“ (уг. Крещатика и Прорѣзной), въ магазинѣ Идзиковскаго и др.; въ Одессѣ—въ кіоскахъ Е. Е. Свистуновой; въ Харьковѣ—въ гор. Общ. Библиотекѣ; въ Кишиневѣ—у В. Л. Лашкова, Балановская, соб. домъ; и на всѣхъ станціяхъ жел. дор.

Отъ конторы:

За перемѣну адреса гор. на гор. и иногор. на иногор. взимается 25 коп., за перемѣну гор. на иногор. и обратно—60 коп. (можно марками).

НОВЫЯ ПЬЕСЫ

„Его домъ въ порядкѣ“,

въ 4 д. А. Пинеро, перев. съ англійскаго О. Н. Поповой.

„Идеальный мужъ“,

въ 4 д. Оскара Уайльда, перев. съ англійск. О. Н. Поповой.

За справками обращаться: Спб. Невскій, 54, О. Н. Поповой.

1—1

„Драматическіе курсы Крючкова“.

Фарсъ въ 3 д. А. А. Плещеева.

Продается у С. Ф. Разсохина въ Москвѣ. Цѣна 2 р.

(Фарсъ имѣетъ большой успѣхъ въ провинціи).

Послѣднія НОВИНКИ:

„ОБРЕЧЕННЫЕ“ (ближайшая новинка театра Литер.-Худ. Общ.) въ 4 д. А. Нымайллова.

„БРАТЯ ПОМѢЩИКИ“ (последняя новинка театра Литер.-Худ. Общ.) въ 4 д. Л. Л. Толстого. Ц. 2 р.

„Обреченные“ до выхода изъ печати выслаются по первому требованію въ рукописномъ (цензур.) видѣ.

Обращаться въ редакцію журнала „Театръ и Искусство“.

КЪ ВЕСЕННЕМУ СЕЗОНУ.

Контора журнала „Театръ и Искусство“ высылаетъ немедленно послѣднія новинки:

„Жизнь человѣка“, Л. Андреева, цензуров. экземпляръ 3 р. 50 к.

Наданія журнала „Театръ и Искусство“:

„Честный человѣкъ“, (новинка Малаго театра, шедшая въ бенефисъ г. Баратова).

„Будни“, Ф. Н. Фальковского.

„Женскій вопросъ“, пьютка въ 1 д. р-ни Тэффи.

„Хаосъ“, „Стѣны“, „Долгъ“, „Скленъ“, „Клумба Бобрика“.

Миніатюры, Г. Ге.

Сенсационная новинка

„МЕСТЬ МОРИАНИ“.

НОВОЕ продолженіе

„ШЕРЛОКА ХОЛЬМСА“.

Пьеса въ 4 д. Н. А. Смуренга.

Обращаться въ „Театръ и Искусство“.



Адресъ художника—контора журнала „Театръ и Искусство“, Гороховая, 4.

На-дняхъ поступятъ въ продажу

НОВАЯ КНИГА:

Вл. Липскій

СЦЕНА И БЕЗПУТСТВО

и другія статьи.

(Впечатлѣнія и парадоксы).

Содержаніе: Сцена и безпутство. Женщина на сценѣ. Новая женщина. Монна Валлиа. Безумныя мечтанія. Эллида. Занески рецензента. Забѣтки. Первый драматургъ-народникъ.

Ц. 75 к., выписывающіе изъ конторы журн. „Театръ и Искусство“ за пересылку не платятъ.

„ПРОБУЖДЕНІЕ“

въ 3 д. П. Эрвье, пер. З. Бухаровой.

Новая пьеса.

Разрѣшена безусловно: „Пр. Вѣстн.“ № 233.

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 8.

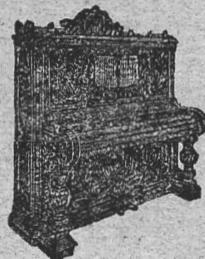
Телефонъ № 3561.

РОЯЛИ. * ПИАНИНО.

Высшая награда 1896.

Высшая награда 1900.

Высшая награда 1904.



С.-Петербургъ, 25-го марта 1907 года.

Дѣла тифлискаго казеннаго театра у насъ писалось уже достаточно нашимъ постояннымъ корреспондентомъ. Похождения и приключенія достопреннаго тифлискаго театра, однако, слишкомъ полную мѣстное общество, и корреспонденціи посылаются намъ десятками. Такъ, въ одной изъ нихъ со ссылкой на „независящія обстоятельства“ (свобода печати!), благодаря которымъ эти приключенія не могутъ быть напечатаны въ мѣстныхъ газетахъ, намъ сообщаютъ, напримѣръ, такіе факты. Какъ извѣстно, одна изъ причинъ печальной исторіи это — „дамская война“ бѣлой и алой розы. Бѣлая роза — г-жа Фостремъ, супруга одного изъ директоровъ, алая роза — г-жа Ванъ-Брандтъ. Но предоставимъ слово лѣтописцу.

„Генеральша“ Фостремъ добилась изданія „декрета“ полиціи. Когда публика партера (про верхи ужъ не говорю — тамъ съ ними совѣмъ не церемонятся) шумно апплодировала Ванъ-Брандтъ — къ ней подходили въ антрактахъ полицейскіе чины и просили перестать.

— Почему?

— Дирекція проситъ не апплодировать г-жѣ Ванъ-Брандтъ...

Спектакли Ванъ-Брандтъ неожиданно закончились, на сѣнѣ ей прѣхали италіанцы — сопрано г-жа Гонзага, получавшая по 400 рублей за выходъ и теноръ Вентура, „согласившійся“ пѣть за 250 р. вечеръ. Оба они не дѣлали сборовъ. Такъ, Гонзага, получая 400 рублей, дѣлала сборы въ 150 рублей. Публика, возмущенная поступкомъ съ г-жей Ванъ-Брандтъ, объявила театру „бойкотъ“ и сборы упали до... 43 руб.

Характернѣе всего, какъ для исторіи тифлискаго театра, такъ и для „конституціонной зры“, что понадобилось вмѣшательство намѣстника въ эту дамскую войну. Она въ сущности и не прекратилась. Страсти разгорались. Появились гвельфы и гibelины. Г-жа Ванъ-Брандтъ возобновила гастроли, и какъ излагаетъ корреспондентъ, великодушіе артистки равнялось ея успѣху.

Какой-то субъектъ бросилъ на сцену въ г-жу Ванъ-Брандтъ яйцо, къ счастью ни въ кого не попавшее. На другой день по приказу генераль-губернатора было арестовано нѣсколько человекъ. Едва это дошло до свѣдѣнія г-жи Ванъ-Брандтъ, она стала усиленно хлопотать объ ихъ освобожденіи, что и удалось. Это было очень хорошо, такъ какъ „яйцеметелю“ угрожало 3 мѣсяца военной тюрьмы и высылка на 5 лѣтъ въ Архангельскую губернію.

На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ? Такъ воюютъ съ революціей въ Тифлисъ.

Несомнѣнно, что вся эта тифлисская исторія отзывается помпадурами и помпадуршами Щедрина. Кто правъ, кто виноватъ въ этой дамской войнѣ — намъ совершенно неизвѣстно (мѣстные корреспонденты, повидимому, также вовлечены въ водоворотъ страстей). Но не въ этомъ суть. Суть въ плачевномъ положеніи театра, пользующагося субсидією, и благодаря всякимъ закулиснымъ исторіямъ, не гарантирующая даже исправнаго полученія жалованья... Вотъ это уже ничѣмъ нельзя оправдать. Это уже типичный уголокъ бюрократическаго хозяйничанья. Развѣ мы не были свидѣтелями скандальной финансовой несостоятельности варшавскихъ казенныхъ театровъ? Теперь прибавилась страница (увѣ, не первая) изъ исторіи тифлискаго театра...

Въ чемъ, какъ выражается контроль? А пресловутая „свобода печати“, при которой невозможно касаться театральнаго хозяйства? А „борьба съ революціей“, которая занимается „дамскою войною“?

Читайте „Исторію одного города“...

Мы получили слѣдующую замѣтку:

„Что такое благотворительность? Благотворительность — это коммерція. Конечно, можно стать и на эту точку зрѣнія. Антрепренеръ не обязанъ заниматься благотворительностью, и благотворимые должны быть благодарны и за то, что получаютъ, ибо, какъ говорится, всякое даваніе благо. Хотите, поэтому, знать, что такое благотворительные спектакли въ пользу Театральнаго Общества? Ростовскій антрепренеръ С. И. Крыловъ устроилъ спектакль-балъ въ пользу Театральнаго Общества 26 февраля.

Вотъ отчетъ.

Приходъ: входныхъ билетовъ за вычетомъ гербоваго сбора по 1 р. 90 к., продано 135—256 р. 50 к., билетовъ по 2 р. 90 к. 240—696 р., билетовъ по 5 р. ни одного. Ложъ бенуара по 14 р. 60 к. 9—131 р. 40 столовъ по 9 р. 60 к. 41—393 р. 60 к., столовъ по 4 р. 80 к. 20—96 р., программъ 40 штукъ 3 р. 20 к., входныхъ билетовъ въ музей 18 р. 40 к., отъ продажи цвѣтовъ, бомбъ и пр. 64 р. 80 к. Итого прихода 1,659 р. 90 коп.

Расходъ: 8 проц. вѣшалка 86 р. 80 к., освѣщеніе 100 р., цвѣты 225 р., хоръ 15 р., музыкантамъ новочеркасскимъ 75 р., имъ же чаевые и ужинъ 10 р., ростовскимъ музыкантамъ 10 р., аккомпаниатору 25 р., „Приазовск. Кр.“ 114 р., „Южн. Тел.“ 30 р., предварительные расходы 62 р. 80 к., нарядъ полиціи 5 р., лѣсъ 13 р., холстъ 36 р., конфетти и пр. 32 р. 60 к., переписка ролей 1 р., картонъ 5 р. 60 к., извозчики 9 р. 55 к., ноты 1 р., коленкоръ 8 р. 2 к., реквизитъ 8 р. 20 к., наборщикамъ 3 р., чаевые 7 р., доставка лѣса 50 к., нитки 40 к., зеленая бумага 2 р. 85 к., коленкоръ 20 р., шитье 1 р. 50 к. Итого расхода 908 р. 82 к. Чистой прибыли 751 р. 8 к. Четвертая часть въ пользу Р. Т. О. 187 р. 77 к., добровольное пожертвованіе отъ Е. Кундури 15 р. Итого 202 р. 77 к.

Приходъ и расходъ — вѣрно, какъ въ аптекѣ. Итакъ, изъ валоваго сбора въ 1659 р. досталось Т. О. 187 руб., т. е. 12⁰/₁₀₀.

Замѣтите, что сборъ былъ сдѣланъ благодаря тому, что драматическіе актеры „ломали“ „Прекрасную Елену“, а опереточные — драму. Выходитъ, дѣйствительно, что они „сваляли дурака“. Ну, а „стола“ по 9 р., столы по 4 р.? Надо думать, что и буфетъ охулки на руку не положилъ. И благотворительно, и весьма прибыльно. „И кохельбекерно, и тошно“...

„Неужели Театральное Общество возьметъ эти деньги? Неужели дѣла его настолько плохи, что и этой подачкой съ четырехрублевыхъ столовъ оно не побрезгуетъ. *Ростовецъ*“.

Кажется, сдѣлано нѣчто вродѣ попытки ознаменовать чѣмъ нибудь десятилѣтіе съѣзда сценическихъ дѣятелей.

Группа лицъ — участниковъ съѣзда обратилась въ Совѣтъ Т. О. съ предложеніемъ отмѣтить день десятилѣтія, составляющій эпоху въ жизни всего сценическаго міра, торжественнымъ засѣданіемъ въ Москвѣ на 4 недѣлѣ великаго поста. Подъ этимъ заявленіемъ имѣются подписи: А. Лавровъ-Орловскій, Н. И. Соболевъ-Самаринъ, М. Т. Строевъ, В. И. Никулинъ, П. П. Струйскій, А. А. Левицкій, А. Полонскій, Никитинъ-Фабіанскій, Панинъ, И. Е. Шуваловъ, Г. К. Невскій, Викторовъ и др.

Намъ неизвѣстно, какъ отвѣтитъ Совѣтъ Театральнаго Общества. Можно отнестись, конечно, къ вопросу формально. Оно, безспорно, спокойнѣе, но намъ кажется, что Т. О. слѣдовало непремѣнно пойти на встрѣчу группѣ лицъ, обратившихся къ нему съ предложеніемъ. Это вытекаетъ не только изъ положенія, занимаемаго Обществомъ въ театральномъ мірѣ, но и отвѣчаетъ интересамъ Общества. Не могутъ ли сказать, не скажутъ ли, что Т. О. равнодушно къ театральному міру? Что устраняясь отъ руководящей роли, оно уже и не претендуетъ на нее? Что оно само подписывается подъ утратой своей популярности? И т. д. Мы не говоримъ, что это такъ, но мы думаемъ, что такіе рѣчи могутъ раздвѣяться, а это при нынѣшнемъ состояніи распада очень не желательно...

25 марта празднуется десятилѣтіе службы И. О. Пальмина въ Бюро Т. О. На дѣятельности И. А. мы имѣли уже случай неоднократно останавливаться. Надо имѣть дѣйствительное понятіе о постановкѣ театральнѣй агентуры хотя бы за границею, чтобы безпристрастно оцѣнить дѣятельность Бюро. А Бюро — это Пальминъ. Вообще, критика легка, искусство трудно. Особенно же трудно управлять дѣломъ, гдѣ приходится сочетать вопросы заработка съ вопросами артистическаго самолюбія. Здѣсь прежде всего нуженъ огромный тактъ. Если нельзя накормить всѣхъ голодающихъ, то по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ оскорблять униженныхъ. Тысячи тонкихъ и деликатныхъ соображеній должны постоянно приниматься во вниманіе, и пожалуй наибольшая трудность — это искусство быть вѣжливымъ и учтивымъ, когда невозможно быть тароватымъ...

Въ лицѣ И. О. Пальмина сценической міръ имѣетъ не только превосходнаго знатока театральнѣхъ отношеній, не только огромную трудоспособную силу, но и человѣка большаго такта. Мы лично больше всего цѣнимъ именно это свойство юбиляра. Намъ приходилось встрѣчать извѣстныхъ театральнѣхъ агентовъ въ Германіи. Сколько важности и надменности! Какая надутость! Какая величественность! И стоитъ при этомъ припомнить суетящуюся, но всегда привѣтливую фигуру И. О. Пальмина, чтобы понять и оцѣнить всю простоту, обходительность и мягкость его.

Неустанный работникъ, страдающій десятилѣтнимъ переутомленіемъ, И. О. Пальминъ имѣлъ бы полное право на чинъ отъ раздражительности. Но онъ счумѣлъ подавить въ себѣ личнаго притязанія, чтобы стать живою актерскою регистраціею. Это подвигъ!

Изъ имѣющаго на-дняхъ выйти отчета Театральнаго Общества извлекаемъ нѣкоторыя данныя.

Къ 1 августа 1906 г. состояло 21 почет. членъ и 5981 дѣйст. члена. Въ 1904—5 г. въ кассу Общества поступило 31,933 р., въ 1905—6 г.—39,779 р., тогда какъ въ предыдущіе годы, въ среднемъ, поступало до 70,000 р. Перерасходъ за два отчетныхъ года составляетъ 44,143 р.



ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Ближайшею новинкою театра Лит.-Худож. Общества будетъ 4 актнѣя пьеса А. А. Измайлова „Обреченные“. Идея пьесы — обреченность нѣсколькихъ поколѣній, на которыхъ лежитъ печать рабства. Современность осуждена, какъ древній Израиль, на блужданіе въ пустынѣ. Только новые люди войдутъ въ царство свободы. Пьесу ставитъ Е. П. Карповъ.

— Г. Ге назначаютъ, какъ говорятъ, очереднымъ режиссеромъ Александринскаго театра.

— П. П. Гнѣдичъ ухаживаетъ за границею немножко провѣтриться. По прїездѣ его, будетъ составленъ репертуаръ будущаго сезона.

— „Король“ С. С. Юшкевича разрѣшенъ драматическою цензурою, пока только для Императорскихъ театровъ.

— „Стѣны“ С. А. Найденова идутъ въ московскомъ Художественномъ театрѣ на 5 недѣль поста.

— Талантливый поэтъ, авторъ пьесы „На пути въ Сіонъ“, Шоломъ Ашъ, написалъ новую пьесу „Богъ мести“, драму въ 3 д., которая въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ идетъ въ Берлинѣ. Пьеса переведена на русскій языкъ самимъ авторомъ и на-дняхъ пойдетъ на сценѣ „Современнаго театра“. Цензура сдѣлала, конечно, значительныя „выемки“.

— По инициативѣ М. Я. Пуаре составилась компанія капиталистовъ для постройки въ Петербургѣ новаго грандіознаго театральнаго зданія. Участки земли, подходящія для постройки, уже намѣчены.

— Режиссеръ французской труппы г. Модрю уходитъ въ отставку.

— Н. Г. Сѣверскаго на-дняхъ постигло большое горе. У артиста скончался сынъ.

— 16-го марта на общемъ собраніи общества искусствъ и литературы М. Н. Ермолова единогласно избрана почетнымъ членомъ.

— Гнусное убійство Г. Б. Юлоса нашло откликъ и въ актерскомъ сердцѣ. Первая извѣстія о злодѣйскомъ подвигѣ, проникшія въ моск. бюро, взволновали этотъ міръ, казалось, такой далекой отъ всякой политики и партійной борьбы. Немедленно была организована подписка для возложенія на гробъ убитаго вѣнка. Каждый считалъ своимъ долгомъ внести посылку лепту; кто давалъ рубль, кто полтинникъ, кто двугривенный.

— Въ виду того, что, по послѣднимъ изысканіямъ, выяснилось, что великій драматургъ А. Н. Островскій родился въ домѣ діакона церкви Покрова, въ Голыхахъ на Ордынкѣ, одинъ изъ гласныхъ вошелъ въ моск. думу съ предложеніемъ исходатайствовать разрѣшеніе на прибитіе къ этому дому памятной мраморной доски для увѣковѣченія мѣста, гдѣ родился А. Н. Островскій.

— Въ театрѣ „Неметти“ (на Петерб. ст.) лѣтомъ будетъ играть опереточная труппа А. В. Вилинскаго. Въ составъ ея уже приглашены: г-жи Барвинская, Легать, гг. Рутковскій, Дальскій, Свѣтлановъ, Кошевскій и др.

Театръ въ Озеркахъ арендовалъ провинціальный артистъ Г. П. Инсаровъ. Спектакли начнутся 12 мая.

— Лѣтомъ въ народномъ домѣ будетъ играть исключительно оперная труппа гг. Кирикова и Циммермана, драматическихъ спектаклей не будетъ. Для открытія лѣтнаго сезона предполагается опера „Бронзовый конь“.

— Сформированная М. С. Шигаевой (Бергеръ) на Постъ и Пасху оперная труппа (Вологда, Кострома, Архангельскъ и др.), какъ намъ сообщаютъ, дѣлаетъ недурныя дѣла.

— Режиссеромъ Крестовскаго театра, Н. Д. Кузнецовымъ, формируется на лѣтній сезонъ фарсъ.

— На-дняхъ начинается перестройка стараго Василеостровскаго театра. Попечительство намѣрено начать спектакли въ этомъ театрѣ съ начала лѣтнаго сезона.

— Кіевскій антрепренеръ г. Дуванъ-Торцовъ организовалъ труппу исключительно для постановки „Жизни Человѣка“ Андреева. Турнѣ начнется 12-ю рядовыми представленіями пьесы въ Одессѣ.

— Частичная амнистія. Съ такъ называемой черной доски снято имя предпринимателя В. Н. Кисилевича.

* * *

Московскія вѣсти.

— Годичное собраніе московскаго отдѣла общества драматическихъ писателей состоится въ Москвѣ на Страстной недѣлѣ.

— Въ театрѣ Корша съ 1-го апрѣля начнутся гастроли К. А. Варламова. Въ репертуаръ включены пьесы: „Не въ свои сани не садись“, „Не все коту масленица“, „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Хрущовскіе помѣщики“, „Борцы“, „Семья“, „Дуэль“, „Странное стеченіе обстоятельствъ“, „Превосходительный тестъ“ и др.

— 20 марта исполнилось десятилѣтіе газеты С. Л. Кугульскаго „Новости Сезона“. Газета въ передовой статьѣ по этому поводу говоритъ: „Вступая во второе десятилѣтіе и не претендуя на широкое и руководящее значеніе, мы и впредь будемъ усиленно служить обществу въ качествѣ справочнаго изданія въ области театра“.

— Крахъ италіанской оперы. 16 марта вечеромъ скрылся антрепренеръ подвизающейся въ Солодовниковскомъ театрѣ италіанской оперы г. Адельгеймъ. Спектакль не состоялся.

Арестованные полиціей въ кассѣ 600 руб. направлены судебному слѣдователю.

Цифра денегъ абонентовъ еще не выяснена, но, какъ говорятъ лица, близко стоявшія къ антрепренеру и служившія у него, абонентная продажа едва ли достигла 15,000 р.

Въ пользу хора и оркестра италіанской оперы, очутившихся въ бѣдственномъ положеніи артистами италіанской оперы былъ устроенъ спектакль, давшій 1,500 руб. сбору.

— Въ труппу Большаго театра, послѣ дебюта въ „Карменъ“ г-жа Стефановичъ принята на 2 года, съ окладомъ въ первый годъ 7,000 руб., во второй — 8,000 руб.

— 15 марта въ окружномъ судѣ слушалось дѣло по иску С. И. Зимина къ Л. В. Собинову въ 3,674 р. понесенныхъ г. Зиминнымъ, по его словамъ, убытковъ вслѣдствіе отмены спектакля 6-го января т. г., когда г. Собиновъ отказался пѣть „Вертера“.

Свидѣтельскими показаніями выяснилось, что г. Собиновъ вообще былъ очень мало требовательнымъ для тѣхъ спектаклей, въ которыхъ онъ принималъ участіе у г. Зимина.

Эксперты: гг. Кашкинъ, Кругликовъ, Авранекъ, Барцалъ и Пагани высказались въ томъ смыслѣ, что если г. Собиновъ

заслуживает обвиненія, то не за пробужденіе артистическаго сознанія, а за то, что оно спало въ немъ до этого случая и позволяло принимать участіе въ спектакляхъ, по своей подготовкѣ не соответствующихъ степени его артистическаго таланта и репутациі. Съ этой точки зрѣнія, относясь съ неодобреніемъ къ гастролѣмъ г. Собинова въ оперѣ С. И. Зимина вообще, эксперты находятъ, что въ данномъ случаѣ, т. е. въ отказѣ отъ участія въ оперѣ „Вертеръ“, онъ поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить настоящій артистъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Дѣло отложено на 29 марта.

— На московскомъ сокольничьемъ кругу лѣтомъ будутъ симфоническіе концерты т-ва оркестровыхъ музыкантовъ императорскаго Большаго театра подъ управленіемъ г. Сукъ.

— Балъ-маскарадъ— „какъ въ Парижѣ“— закончился грандіознымъ скандаломъ, съ вмѣшательствомъ полиціи. Скандалъ разыгрался изъ-за „пристрастнаго“ присужденія призовъ „красавицамъ“. Какъ утверждаютъ газеты, призы были розданы „подставнымъ“ лицамъ.

По этому поводу читаемъ въ „Русск. Сл.“:

„Выяснилась личность остроумнаго устройства этого маскарада. Это—профессиональный устроитель такихъ двусмысленныхъ благотворительныхъ спектаклей и вечеровъ, нѣкій г. Глясъ, постоянно подвизающийся въ Петербургѣ“.

* * *

† П. И. Бларамбергъ. Въ Ниццѣ скончался композиторъ Павелъ Ивановичъ Бларамбергъ, на 66 году жизни.

Онъ состоялъ профессоромъ теоріи музыки и инструментовки въ московскомъ филармоническомъ училищѣ.

Первыми опытами его на композиторскомъ поприщѣ были: музыка къ „Воеводѣ“ Островскаго, и музыкальная картина „Демонъ“, на сюжетъ Лермонтова. За границей была имъ написана опера „Марія Тюдоръ“, которая была поставлена въ Москвѣ лишь въ 1888 г.

Вторая его опера (комическая) „Скоморохъ“, на сюжетъ Островскаго „Комикъ XVII столѣтія“ нигдѣ поставлена не была; третья, одноактная опера „Дѣвица Русалка“, дана была въ ученическомъ спектаклѣ московскаго филармоническаго общества.

Наиболѣе извѣстна изъ его оперъ четвертая— „Тушинцы“ (на сюжетъ Островскаго), шедшая въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ и въ частной оперѣ у насъ (лѣтомъ). Имѣется въ рукописи еще одна опера (пятая) „Волна“.

Кромѣ названныхъ произведеній существуютъ еще: симфонія, хоры à capella, симфоническая поэма „Умирающій глadiatorъ“, много романсовъ, хоровыя переложенія русскихъ народныхъ пѣсенъ, пьесы для фортепіано, фантазія „Стрекозы“, картина „На Волгѣ“ и др.

* * *

† И. И. Павловъ. Въ Одессѣ скончался пансіонеръ Т. О., И. И. Павловъ, съ 1902 г. содержавшійся на средства Т. О. въ психіатрическомъ отдѣленіи одесской гор. больницы. На сценѣ И. И. прослужилъ 20 лѣтъ. И. И. служилъ между прочимъ въ Петербургѣ въ антрепризѣ В. А. Казанскаго въ 1901 г. и въ труппѣ покойнаго Горина-Горяинова.

* * *

18 и 19 марта въ большомъ залѣ консерваторіи италянская опера ставила „Богему“ съ Линой Кавальери въ партіи Мими и г. Ансельми—Родольфомъ. „Божественная“ Лина, по отзывамъ, уже не такъ неотразимо обаятельна, но это не мѣшаетъ ей создавать весьма граціозный и трогательный образъ и плѣнять чистымъ нѣжнымъ тембромъ, съ которымъ пріятно соединяется и тщательная техническая шлифовка голоса. Г. Ансельми—настоящій „фурорный“ артистъ. Свободная красивая манера атаковать звукъ, согрѣтый горячими волнами чисто южнаго драматизма, чрезвычайно поднимаетъ залу, которая не скупится на восторженные оваціи по адресу этого дѣйствительно выдающагося пѣвца. Остальные исполнители (въ томъ числѣ и анонсированные жирнымъ шрифтомъ) ничѣмъ особеннымъ не выдѣляются, а г-жа Синсъ (Мюзетта) такъ и совсѣмъ безцвѣтна. Постановка и обстановка не изъ важныхъ. Единственное утѣшающее исключеніе—тонко и прозрачно нюансированный талантливый дирижеромъ оркестръ.

* * *

Михайловскій театръ. Возобновили „Ришелье“. П. П. Гнѣдичъ въ разговорѣ (напечатанномъ) съ однимъ изъ присяжныхъ интервьюеровъ выразился по этому поводу, что подобно тому какъ въ каждой библиотекѣ кромѣ классическихъ произведеній должны находиться вообще хорошія книги старыхъ авторовъ, такъ и театръ долженъ включать въ свой репертуаръ подобныя же пьесы... Сравненіе весьма смѣлое, но нельзя сказать чтобы справедливое... Приравнивать театръ къ хорошей библиотекѣ можно только при желаніи быть во что бы то ни стало парадоксальнымъ. Въ основній репертуаръ театра нѣтъ возможности включить кромѣ современныхъ пьесъ—хотя бы одну

сотую классическихъ произведеній... И позволительно ли еще мечтать о томъ, чтобы въ немъ умѣщались какъ на полкахъ библиотекъ всѣ вообще хорошія старинныя пьесы?..

Парадоксъ г. Гнѣдича такъ при немъ и останется... Секретъ же возобновленія той или иной „просто хорошей“ пьесы никакого касательства къ литературѣ не имѣетъ, а объясняется обыкновенно наличностью хорошей центральной роли. Роль Ришелье дѣйствительно такова по своей фактурѣ, по разнообразію сценическихъ положеній, по доминирующему своему значенію въ пьесѣ—что увлечется ею актеру не мудрено. Всѣ крупныя актеры семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ отдали дань этой пьесѣ, и теперь еще въ провинціи она считается одною изъ лучшихъ бенефисныхъ...

И все-таки не было никакого резона возобновлять „Ришелье“ на казенной сценѣ. Мнѣ не разъ уже подробно приходилось высказаться по поводу того, что именно на этой сценѣ не желательны постановки для ради дебюта, для бенефиса, для центральной роли... И если бы не возобновили эту „просто хорошую“ пьесу, опросталось бы мѣсто для пьесы основнаго, классическаго репертуара, о которомъ якобы такъ печется г. Гнѣдичъ...

И еще не слѣдовало ставить „Ришелье“ потому, что у господъ александринскихъ артистовъ нѣтъ никакого тяготѣнія къ романтизму. А только романтизмъ стили, романтизмъ настроенія можетъ перенести зрителя въ эпоху всеильнаго кардинала. Лучше другихъ г. Ге. Его Ришелье интересно задуманъ и мѣстами замыселъ интересно выполненъ. Колоритнѣе и ярче детали, характеризующія хитроуміе Ришелье; слабѣе эпизоды, гдѣ проявляется всепокоряющая мощь и величіе кардинала. Такъ, напримѣръ, прекрасно ведетъ г. Ге послѣднюю картину пьесы, и совершенно не даетъ впечатлѣнія непоколебимаго вершителя судебъ Франціи въ спорѣ съ графомъ Барадасъ (5-ая картина). Изъ исполнителей, составляющихъ въ сущности фонъ пьесы, добрымъ словомъ можно помянуть развѣ одного только г. Аполлонскаго (графъ де-Мопра). Остальные не только не играли въ тонахъ романтизма, но вообще безъ всякихъ тоновъ...—Позвольте, вы говорите стиль.. Какой же тутъ стиль!.. Просто одно безобразіе!..—сказалъ нѣкто, выходя изъ театра.

Всецѣло присоединяюсь къ этому рѣшительному приговору.

Илтр.

* * *

Малый театръ. Пошла мода на политическія „нейтральныя“ пьесы... Первая пьеса этого рода— „Хасосъ“—пьеса безусловно талантливая. Къ нейтральнымъ пьесамъ должны быть отнесены „Братья-помѣщики“ Л. Л. Толстого...

Нейтральность (объективность—то-жь) Л. Л. Толстого довольно примитивна. Въ первомъ дѣйствіи напримѣръ одинъ изъ персонажей съ пѣной у рта говоритъ „о жидкахъ, производящихъ русскую революцію“... И тутъ же моментально реплика, что „дайте, моль, евреямъ равноправіе и они станутъ лучшими русскими гражданами“. Во второмъ дѣйствіи въ самой карикатурной формѣ два представителя пролетаріата. И чтобы нейтрализовать это впечатлѣніе—увлекающійся юноша, произносящій бодрющія рѣчи о свободѣ, равенствѣ и братствѣ... Все остальное въ томъ же родѣ.. Авторъ, вѣроятно, думаетъ, что это идеаль справедливости, но плюсъ, помноженный на минусъ, даетъ минусъ... Не сказать ничего—не значитъ достигнуть высшей объективности... Что касается „сценичности“, то эффектовъ и уходовъ въ пьесѣ очень много. Пьеса, такъ сказать, вызывная, рассчитанная на успѣхъ и злободневная. На первомъ представленіи ей сильно апплодировали, особенно верхи.

Играли такъ же нейтрально—какъ написана сама пьеса. Лучшая женская роль крестьянской дѣвушки, обольщенной и брошенной молодымъ помѣщикомъ. Здѣсь можно было бы показать и хорошій бытовой тонъ и темпераментъ. Лучшая мужская роль нѣмца управляющаго имѣніемъ была прекрасно, характерно воспроизведена г. Бастуновымъ. Внѣшняя постановка пьесы г. Карповымъ очень красива и даже поэтична.

Илт.

* * *

Буффъ. Спектакли труппы г. Сабурова привлекаютъ съ каждымъ днемъ все больше и больше публики. Немудрено: пьесы идутъ съ рѣдкимъ ансамблемъ. При томъ же труппа играетъ въ мягкихъ, если можно такъ выразиться, комедійныхъ тонахъ. Это—негрубая буффонада, не сногшибательная клоунада, а настоящее радостное веселье. Такъ, напр., для бенефиса г-жи Воронцовой-Ленни, состоявшагося въ понедѣльникъ, ши новыя для Петербурга двѣ пьесы. Первая— „Сегодня я, а завтра ты“, Ж. Фейдо—тихий французскій фарсъ. Основная, съ позволенія сказать, мысль, какъ и въ картахъ, въ любви большую роль играетъ „везенье“. Сегодня мнѣ „везеть“, а завтра тебѣ. Сегодня—я, а завтра—ты. Одну изъ дамъ, на которыхъ „везеть“ героямъ фарса, играла г-жа Воронцова-Ленни. Эта прекрасная комедійная актриса, умѣющая создавать живыя лица даже въ самыхъ безшабашныхъ фарсахъ. Она разговариваетъ просто, жизненно, безъ всякихъ натяжекъ, что

такъ рѣдко у нашихъ фарсовыхъ артистокъ. Прибавьте—неистощимый юморъ, и умѣнье съ шикомъ орудовать красивыми „dessous“. По обыкновенію вызывалъ бурный смѣхъ г. Сабуровъ. Комиченъ г. Ячменевъ, веселъ, хотя и чуть-чуть однообразенъ г. Пельцеръ.

Пьеса „Петербургская (Парижская) Гетера“ написана на занимательный сюжетъ. Опасаясь за будущее влюбившагося въ кокетку сына, мужъ и жена Мавровы на семейномъ совѣтѣ рѣшаютъ, что отецъ Жана и одинъ изъ родственниковъ отправляются къ гетерѣ и разыгрываютъ изъ себя влюбленныхъ. Сперва разыгрываютъ, а потомъ и на самомъ дѣлѣ увлекаются.

Разыгрывается пьеса съ необыкновенною живостью. Нетрагическая Ляховецкая, — г-жа Воронцова-Ленни. Курьезенъ г. Ячменевъ въ роли ревниваго мужа-помѣщика. Живой диалогъ у г. Свѣтлова—Жанъ. Довольно эффектная Люсси г-жа Лерма.

Въ „вещественныхъ и невещественныхъ знакахъ вниманія“ къ бенефицианткѣ недостатка не было. В. Л.

Ученическій спектакль. Въ четвергъ 15 марта, на музыкально-драматическихъ курсахъ Поллакъ состоялся первый экзаменационный спектакль учениковъ III курса класса А. А. Санина. Были поставлены „Цѣна жизни“ (полностью) и „Лѣтняя картинка“. Обѣ пьесы—прекрасно спетованы и обставлены очень тщательно, — разумеется, на сколько это возможно на такой микроскопической сценѣ. Ученики и ученицы—хорошо подготовлены. Большая заслуга г. Санина, что онъ приучилъ своихъ учениковъ свободно держаться и чувствовать на сценѣ. Умѣтъ владѣть сценою—это первое и необходимое требованіе, которое предъявляется молодому актеру или актрисѣ. Какъ и въ прошломъ году (при переходѣ со II на III курсъ), болѣе выгодное впечатлѣніе произвели ученицы. Г-жа Антипова, поправившаяся въ прошломъ году въ роляхъ Нѣгиной и Саввы („Перчатка“), на этотъ разъ играла Анну Викторовну, жену Демурина. Разумеется, ученица не вполне совлала ролью. Впрочемъ, эта роль и опытнымъ актрисамъ удается не всегда. Говоря по правдѣ, даже г-жа Савина имѣла въ ней успѣхъ, только благодаря свойственной одной Савиной отдѣлкѣ мелкихъ деталей, не имѣющихъ собственно существеннаго значенія для характера. Много помогли г-жѣ Савиной и ея прекрасные глаза съ русалочнымъ выраженіемъ, такъ идущемъ къ тому образу, который творила артистка, но быть можетъ не къ образу, нарисованному авторомъ. Конечно, подобнаго искусства нельзя требовать отъ ученицы. Хорошо и то, что она не ударила въ подражаніе хотя бы той же Савиной. Ея Анна Демурина—лишь индѣевъ, но мѣстами г-жа Антипова все же съумѣла дать цѣлую гамму настроеній, искреннихъ и правдивыхъ. Интересно будетъ посмотрѣть эту даровитую ученицу въ другихъ роляхъ, менѣе трудныхъ и болѣе подходящихъ къ ея гибкому темпераменту.

Бойко и красочно играла г-жа Иванова Клавдія. Здоровый юморъ у этой ученицы такъ и переливается. По сравненію съ прошлымъ годомъ, г-жа Иванова какъ будто стала играть сдержаннѣе и въ ея манерахъ меньше—рѣзкости и вульгарности. Есть юморъ и бытовой тонъ у ученицы Зотовой, хотя старушечьи интонаціи и тоновые переходы отъ одного настроенія къ другому ей не всегда удаются. Это придетъ со временемъ. Съ ролями Данило и Германа Демуриныхъ недурно справились ученики II курса Соболевъ и Реутовъ. Особенно первый. Второй сгушалъ краски болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Блѣдноватый профессоръ—уч—къ Новичевъ.

Въ „Лѣтней картинкѣ“ захватила зрителей граціозная и бойкая уч—ца Жукова (Шурочка), такъ понравившаяся въ прошломъ году въ роли Вѣрочки въ „Шутникахъ“. Прекрасная дикція, выразительная мимика и необыкновенная смѣлость въ интонаціяхъ—вотъ достоинства молодой артистки. Боимся только, какъ бы она не была однообразна во всѣхъ роляхъ. Смѣялась публика надъ г. Вреденомъ въ роли гимназиста. Недуренъ г. Новичевъ—Юрій Петровичъ. Вообще хорошенка пьеска Т. Щепкиной-Куперникъ прошла необыкновенно живо.

В. Л.—ий.

Народный домъ. 19 марта здѣсь впервые дали „Монкларскаго палача“ Фридриха Эрлангера. Опера, написанная по старому италіанскому рецепту, весьма близка къ музыкальной мелодрамѣ. Жуанъ Мендоза (г. Виноградовъ)—палачъ поневоля, ибо суровый обычай Испаніи XVII вѣка передаетъ эту страшную обязанность по наслѣдству, а предки Жуана были палачами. Въ тихомъ Монкларѣ, правда, уже много лѣтъ обходятся безъ услугъ эшафота, но Жуанъ, всѣми уважаемый отецъ прекрасной Инесы (г-жа Бернадская) въ глубинѣ души всегда носитъ предчувствіе бѣды, даже и не подозревая, какая жестокая кара Немезиды грозитъ ему за грѣхи предковъ. Въ Инесу влюбляется знатный юноша Сальвадоръ, она отвѣчаетъ взаимностью. Жуанъ послѣ мучительныхъ колебаній открываетъ дочери страшную тайну. Но этого удара мало. Сальвадоръ убиваетъ на дуэли молодого офицера Карлоза (г. Костинскій), который оскорбительно отзывался объ его невѣстѣ. Палачъ—на работу! Саль-

вадоръ, узнающій все это отъ Инесы, являетъ образецъ трагической любви и великодушія. Уже приговоренный къ смерти, онъ женится на Инесѣ и мужественно жлетъ казни. Но старый Мендо не выдерживаетъ и передъ послѣднимъ моментомъ, когда его рука должна свершить казнь, пронзаетъ себя кинжаломъ. Либреттистъ тоже не выдерживаетъ и, чтобы немного смягчить впечатлѣніе, заставляетъ всѣхъ свидѣтелей трагической развязки узнать надъ трупомъ несчастнаго палача о помилованіи Сальвадора... Такова канва, на которой композиторъ тщательно вышилъ пестрые, но врядъ ли очень интересные узоры. Прежде всего—онъ не использовалъ съ достаточной яркостью тѣхъ драматическихъ моментовъ, какіе попадаютъ въ либретто. Его драматизмъ рѣзкій, шумный, но лишенный захватывающаго подъема и обличающій большую разусодность творчества. Далѣе—музыка Эрлангера почти лишена стилиности, которая въ счетъ не идетъ, какъ отголосокъ модернистскихъ вѣяній въ музыкѣ, которымъ Эрлангеръ изрѣдка отдаетъ робкую дань. Кстати, не нужно смѣшивать этого Эрлангера съ его гораздо болѣе извѣстнымъ парижскимъ однофамильцемъ, который считается однимъ изъ талантливыхъ представителей новѣйшей французской школы. Наболѣе рельефная фигура въ „Монкларскомъ палачѣ“ самъ старикъ Мендо, грустная тема котораго проходитъ черезъ все произведеніе. Скорбныя строфы Мендо, начинающія 2-ой актъ, гдѣ ему отведено центральное мѣсто, дышатъ глубокимъ отчаяніемъ. Это едва ли не лучшія страницы оперы, по крайней мѣрѣ самыя искреннія, согрѣтыя счастливымъ лучемъ вдохновенія. Въ слѣдующей сценѣ съ дочерью у Мендо также прорываются искорки истиннаго драматизма. Зато чрезвычайно блѣдны какъ Инесъ, такъ и ея возлюбленный, амурныя изліянія которыхъ (за исключеніемъ, пожалуй, не лишенной настроенія арии Сальвадора въ первомъ дѣйствіи) носятъ прѣвѣншіи шаблонный отпечатокъ. Ни силы, ни страсти у этихъ чахлахъ дѣтей южнаго солнца. А остальные персонажи еле набросаны слабыми штрихами, лишенными даже тѣни музыкальнаго интереса. Оркестровка тамъ, гдѣ композиторъ хотѣлъ быть потрясающимъ, громоздкая, но въ общемъ вполне приличная и не претендующая на какія новшества. Въ конечномъ итогѣ, „Монкларскій палачъ“—вещь самая заурядная, не блещущая глубиной или красотой музыки, но дѣло рукъ добросовѣстнаго ремесленника, неоспоримое достоинство котораго въ его доступности широкой массѣ. Аудиторіи Народнаго дома „Палачъ“ понравился и, надо полагать, привѣтся въ репертуарѣ, тѣмъ болѣе что приготовлена опера и поставлена съ видимой тщательностью. Г. Виноградовъ въ заглавной партіи слѣлалъ все, что было въ силахъ его когда-то великолѣпнаго баритона. Искусно распоряжаясь остатками былого величія артист вѣлъ роль съ увлекающимъ темпераментомъ. Надо однако стараться, чтобы увлеченіе не вредило ясности дикціи, которая въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ измѣняла г. Виноградову. Нельзя упрекнуть въ избыткѣ темперамента—г-жу Бернадскую. А жаль: ея сильное красивое сопрано совсѣмъ не заслуживаетъ апатичности, лишающей голосъ красочныхъ переливовъ. Г. Ростовскій съ успѣхомъ пѣлъ Сальвадора, преодолевая трудности мѣстами высокой тесситуры. Голосъ артиста звучалъ свободно и, если бы только чуточку болѣе того, что французы называютъ „verve“, было бы совсѣмъ не къ чему придираться. У г. Костинскаго свѣжія и пріятныя вокальныя данныя, но онъ очень нетвердъ въ интонаціи и вообще поетъ и держится крайне неуверенно. Милая испаночка Пакита—г-жа Филиппова, щебечущій голосокъ которой здѣсь пришелся очень кстати. Благородный басъ г. Тихонова также очень умѣстенъ для роли благороднаго отца Сальвадора. Гг. Борисовъ, Головинъ, Брюннеръ—да простятъ мнѣ, что я о нихъ говорю, за недостаткомъ мѣста, „оптомъ“—дружно содѣйствовали общему благоприятному впечатлѣнію. За дирижерскимъ попиритомъ находился г. Зеленый, что вполне обезпечивало ненарушимою и несокрушимою стройностью всего спектакля. *Вольмаръ.*

Къ сезону въ провинціи.

Бахмутъ. Лѣто. Драма. Антреприза М. Н. Онѣгина.
Воронежъ. П. П. Струйскій взялъ валовой сборъ 39,000 р.
Винница. Лѣтомъ. Драма. Антреприза П. О. Зарѣчнаго.
Вильна. Гор. театръ и манежъ дали за сезонъ валового 46,000 руб.

Гомель. Лѣто. Драма Антреприза А. Н. Сѣничаго.

Елисаветградъ. А. Т. Полякова взяла за сезонъ 31,600 руб.

Екатеринославъ. Лѣто. Драма (до 19 сент.) Антреприза С. И. Крылова.

Екатеринодаръ. Лѣто. Драма. Антреприза Н. И. Соболевичова-Самарина.

Житомиръ. Лѣто. Драма. Антрепр. г. Павленкова.

Казань—Саратовъ. Н. И. Соболевичовъ-Самаринъ за сезонъ взялъ 98,753 р. валового.

Кіевъ. Г. Дуваномъ-Торцовымъ на будущій сезонъ въ театръ „Соловцовъ“ приглашены: г-жи Карелина-Раичъ, Пасхалова, Е. Чаруская, Стрѣшневъ, Токарева, Сѣверова, Волотина, Коленъ, Лѣсная, Дорошевская, Дабичъ; гг. Багровъ, Орловъ-Чужбининъ, Горѣловъ, Смирновъ, Дагмаровъ, Волховскій, Н. Степановъ, Высоцкій, А. А. Борисовъ, Верисановъ. Главн. режиссеръ Марджановъ, второй Дагмаровъ.

Моршанскъ. Лѣто. Драма. Антреприза В. А. Сергѣева.

Новочеркасскъ. Валовая цифра за сезонъ—43,000 руб.

Одесса. Г. Никулинымъ на будущій сезонъ приглашены: г-жи Дарьялъ, Мельникова, Шухмина, Вульфъ, Нининская (комич. старуха); гг. Булатовъ, Романовскій, Владиміровъ, Недѣлинь, Карѣевъ, Боринъ и Покровскій.

Пенза—Саратовъ. Лѣто. Оперетка г. Шульца.

Пермь—Екатеринбургъ. А. А. Левицкій на лѣто сформировалъ труппу. Составъ: г-жи Петрова, Хвошинская, Грузинская, Кривцова, Ковалева, Лонская, Бороздина, Рославлева, Строганова; гг. Кривцовъ, Рейхштадтъ, Тамаровъ, Херсонскій, Константиновъ, Нахабинъ, Травинъ, Гелеверъ, Травинъ 2-й, Алексѣевъ. Труппа поѣдетъ по Волгѣ и Камѣ.

Ростовъ-на-Дону. Драма за сезонъ дала 58,000, оперетка—78,000.

Ставрополь-губ. Драма (антреприза гг. Нарскаго и Уварова-Самборскаго) дала въ этомъ сезонѣ 21,000 руб., чистыхъ—около 5000.

Сумы. Лѣтній сезонъ. Дирекція А. Л. Миролюбова. Начало сезона предполагается 23-го апрѣля. Драма. Составъ (въ алфав. порядкѣ): г-жи Барнесъ, Бѣлозерская, Градова, Діанина, Зинина, Лирская, Любова, Миловидова, Морская, Неволлина, Пальмина, Шатрова и др.; гг. Бардинъ, Бѣлоконь, Днѣпровъ, Злобинъ, Касьяновъ, Корбутъ, Ланко-Петровскій, Миролюбовъ, Мирскій, Простовъ, Сверчковъ, Чаровъ и др. Режиссеръ И. И. Бѣлоконь. Помощн. режиссера г. Днѣпровъ. Суфлеръ Л. А. Грацъ. Художникъ.

Ташкентъ. Лѣтній сезонъ. Драма. Антреприза З. А. Малиновской.

Томскъ. Лѣтній сезонъ. Драма. Антреприза И. Д. Болдырева.

Уфа. Лѣтомъ играетъ драм. труппа П. П. Струйскаго.

Харьковъ. Лѣто. Театръ „Тиволи“. Оперетка. Товарищество И. И. Рафальскаго.

Царицынъ н-В. Лѣто. Драма. Антреприза П. П. Медвѣдева.

Чита. Лѣтомъ играетъ драм. труппа Е. М. Долина.

Черниговъ. Лѣто. Драма. Антреприза К. Э. Олигина.

Юзовка. Лѣто. Драма. Антреприза Я. В. Лихтера.

Юзовка. Съ Орленевымъ случаются всевозможныя приключенія: на труппу Орленева по дорогѣ со станціи Юзово вечеромъ напали злоумышленники, которые пытались ограбить артистовъ. Пользуясь темнотой, они остановили лошадей и бросились къ вещамъ артистовъ. Къ счастью подѣхали остальные артисты, которые заставили грабителей отступить. Отѣхавъ двѣ версты, артисты подверглись вторичному нападенію грабителей, которое опять таки окончилось неудачно для послѣднихъ. Злоумышленники скрылись.

Письма въ редакцію.

М. г. Покорнѣйше прошу напечатать слѣдующее мое заявленіе:

Въ сезонъ 1905—1906 г. я, состоя старшиной Охтенскаго Общественнаго Собранія, въ то же время являлся отвѣтственнымъ режиссеромъ спектаклей означеннаго Собранія. Вслѣдствіе бывшихъ у меня ранѣе съ „Союзомъ Драматическихъ и Музыкальныхъ писателей“ недоразумѣній, мнѣ была запрещена постановка произведеній членовъ Союза. Между тѣмъ 28-го декабря 1905 г. на сценѣ Охтенскаго Общественнаго Собранія должна была идти, согласно афишѣ, пьеса Карѣева „Глухонѣмой“; въ дѣйствительности же была поставлена пьеса „Говорящая нѣмой“ В. В. Билибина, подлежащая охранѣ Союза. Конечно Правленіе Союза совершенно справедливо усмотрѣло въ этомъ поступкѣ нарушение своихъ правъ и привлекло меня къ уголовной отвѣтственности по статьѣ 1684.

Вполнѣ сознавая свой двойной проступокъ по отношенію Союза—какъ въ смыслѣ нарушения даннаго мнѣ запрещенія, такъ и въ томъ, что на афишѣ значилась пьеса охранѣ Союза не подлежащая, а въ дѣйствительности исполнено произведеніе члена Союза, я могу найти извиненіе только въ томъ, что я самъ былъ введенъ въ заблужденіе устроителями спек-

такля, и подписывая афишу съ заглавіемъ „Глухонѣмой“ не имѣлъ передъ собою экземпляра пьесы и не могъ свѣрить перечня дѣйствующихъ лицъ. Все это конечно не исключаетъ вполнѣ правильныхъ, законныхъ обвиненій, предъявленныхъ ко мнѣ Правленіемъ Союза. Поэтому я считаю нравственнымъ долгомъ на страницахъ Вашего уважаемаго журнала принести свои искреннія извиненія Правленію Союза и впредь обязуюсь неукоснительно подчиняться всѣмъ его законнымъ постановленіямъ и требованіямъ.

Надѣюсь, что мое чистосердечное признаніе послужитъ для Правленія Союза достаточнымъ удовлетвореніемъ, и уголовное преслѣдованіе будетъ имъ прекращено.

Флорентій Андреевичъ Омарскій.

М. г. Приступая къ составленію біографіи нашего покойнаго брата артиста Николая Петровича Мальскаго (Нечаева), покорнѣйше просимъ всѣхъ, близко знавшихъ его, не отказать въ присылкѣ воспоминаній, писемъ, рисунковъ и фотографій, относящихся къ его личности, по адресу: С.-Петербургъ, 5-я Рождественская, 8, Александру Петровичу Нечаеву.

Всѣ присланные рукописи и рисунки, по минованіи въ нихъ надобности, съ благодарностью будутъ возвращены,

А. Нечаевъ, И. Нечаевъ.

М. г. 26 февраля въ орловской антрепризѣ г. Краморова состоялся бенефисъ суфлера г. Всеволожскаго, данный ему за 10 сезонную службу въ упомянутой антрепризѣ. Шла пьеса Свирскаго „Тюрьма“. За нѣсколько времени передъ распределеніемъ ролей режиссеръ труппы г. Невѣдомовъ, не зная пьесы, заявилъ, что онъ будетъ играть только ту роль, которую у Суворина г. Баратовъ, (предупреждаемъ, что отъ этого заявленія г. Невѣдомовъ впоследствии отказался), а затѣмъ, прочтя пьесу, взялъ себѣ роль рабочаго, не имѣя на это никакого права ни по своимъ даннымъ, ни по своему амплуа. Когда противъ такого произвола (къ слову,—такіе поступки проявлялись имъ въ теченіе сезона неоднократно) возстали артисты и предприниматель, то г. Невѣдомовъ отказался не только играть, но и ставить пьесу. Пьесу взялся ставить другой режиссеръ, но тутъ опять появился новый камень преткновенія. Жена г-на Невѣдомова, г-жа Максимова, общавшаяся г. Всеволожскому сыграть роль въ этой пьесѣ, тоже отказалась играть, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что она дала обѣщаніе играть въ пьесѣ, *желая способствовать успѣху (?) пьесы только въ постановкѣ своего мужа*. А между тѣмъ г-жа Максимова занимаетъ положеніе въ труппѣ и участіе ея въ спектаклѣ являлось для бенефицианта желательнымъ. Самъ по себѣ фактъ изъ обыденныхъ, къ сожалѣнію, но онъ явился той каплей, которая переполнила чашу терпѣнія труппы и вызвала почти единодушный взрывъ негодованія. Пренебрежительное отношеніе къ товарищамъ, постоянныя капризы и отказы отъ ролей, при чемъ роли въ силу необходимости передавались другимъ актрисамъ и исполнялись безъ репетицій и на спѣхъ, отказы играть въ бенефисы товарищей, только потому, что въ пьесѣ нѣтъ доминирующей роли (бенеф. Колосова)—вотъ устои, на которыхъ зиждется сценическая этика г-жи Максимовой.—Въ лицѣ г. Невѣдомова г-жа Максимова нашла полную поддержку.

Словомъ дѣло приняло такое положеніе: или изъ труппы долженъ выйти г. Невѣдомовъ и г-жа Максимова, или же мы, нижеподписавшіеся. Но такъ какъ 1) среди сезона трудно замѣнить актрису, уже заручившуюся симпатіями публики, и 2) глубоко уважая г. Краморова и желая дать ему возможность довести сезонъ до конца благополучно, мы рѣшили ограничиться оглаской ихъ поступковъ путемъ печати.

Вотъ вкратцѣ причины, вызвавшія настоящее письмо, такъ какъ мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ огласить подобное отношеніе къ дѣлу въ особенности со стороны режиссера и актрисы, занимающей положеніе.

Если г. Невѣдомовъ и Максимова усмотрятъ въ чемъ нибудь несоотвѣтствіе съ истиной, то мы просимъ ихъ указать и тогда мы постараемся нарисовать картину болѣе подробно на основаніи фактическихъ данныхъ.

В. Плетневъ, М. И. Болычевцева, Б. В. Цвѣтковъ, А. Всеволожскій, М. Поповъ, Иванъ Скуратовъ, Е. Милокова, Е. Неволинъ, Ю. Сарматова, А. Вербинъ, М. Ливанова, О. Гнѣдичъ.

М. г. Не откажите помѣстить нижеслѣдующее письмо въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ. Цѣль настоящаго письма—освѣтить дѣятельность царицынскихъ антрепренеровъ гг. Собецкаго и Рабринъ. Мы не касаемся самой постановки дѣла. Мы часто не знали, сидя въ уборной передъ началомъ спектакля, какую пьесу сегодня играемъ. На репетиціяхъ, за отсутствіемъ режиссера (режиссеромъ былъ г. Рабринъ, а печатался на афишѣ г. Собецкій), мы иногда становились въ тупикъ, какъ мы будемъ давать назначенную пьесу, въ которой играютъ отвѣтственные роли парикмахеръ, режиссизиторъ, два какихъ-то чиновника, а иногда прямо „Письмо“, которое изобрѣлъ г.



И. О. Пальминъ.

(Къ 25-лѣтнюю театральную дѣятельность и 10-лѣтнюю службу вЪ Бюро).

Вавиловъ, и которое гг. Собецкій и Рабринъ использовали въ совершенствѣ. Но это все ничто. Самое интересное это тѣ отношенія и форма обращенія къ актерамъ, къ которому они прибѣгали. Слова:—убирайтесь вонъ!.. „Мерзавецъ“—вотъ оборотъ рѣчи этихъ антрепренеровъ. Короче, мы терпѣли; но податься было некуда. Наше желаніе сводилось лишь къ тому, чтобы получить хотя бы все жалованье, но и этому не суждено было осуществиться. Съ 12 января и по 14 февраля фирма „Собецкій и Рабринъ“ въ буквальномъ смыслѣ слова не заплатила ни гроша всѣмъ находившимся у ней на службѣ—какъ-то: рабочимъ, портному, парикмахеру, кассиру и проч., а также остались неуплаченными: аренда театра, типографии и залогов. 13 февраля дѣло фактически лопнуло. 14 февраля труппа и дѣло безъ нашего вѣдома переданы были г-жѣ Виноградской, которая фактически была арендаторшей театра. Къ ней поступили на службу фирма „Собецкій-Рабринъ“ съ супругой г-жей Карениной. Г-жа Виноградская, несмотря на самую печальную обстоятельство, при которыхъ продолжалось дѣло, уплатила намъ до копѣйки, за что мы и выразили въ мѣстной печати свою благодарность.

Гг. Собецкій, Рабринъ и Каренина и въ новомъ дѣлѣ остались себѣ вѣрны. Они низвели дѣло на нѣтъ и добились того, что въ послѣдній спектакль мы вынуждены были замѣнить одну пьесу другой, такъ какъ они отказались участвовать въ спектаклѣ предъ самымъ его началомъ, хотя жалованье ими было уже получено сполна. Словомъ, все, что творилось въ теченіе этихъ 4-хъ мѣсяцевъ, не помнятъ актеры, прослужившіе 20 лѣтъ на сценѣ.

Одновременно съ этимъ мы пишемъ заявленіе въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Общества.

Артисты труппы бывшей дирекціи „Собецкій и Рабринъ“.
В. Нестровъ, С. Соловьевъ, кассиръ Я. Кузнецовъ, С. Бялая,
Гаранинъ, Л. Д. Виноградская, Э. Булатова, Н. Ларскій.

Малехкая хролика.

*** Строгая авторитетность провинціальныхъ цѣнителей известна еще съ древности. По нынѣшнимъ же временамъ они конкурируютъ жестокостью своихъ приговоровъ съ полевыми судами. На-дняхъ одинъ провинціальный критикъ присудилъ къ смертной казни „Богему“ Пуччини, за „полный внутренней фальши“ сюжетъ и „лишенныя логической послѣдовательности“ мелодіи. Коллега изъ „Рижскихъ Вѣдомостей“, рецен-

зируя „Онѣгина“, открылъ у пѣвицы, исполнявшей Татьяну, „молчаливое... ріапо“. Краснорѣчивое, молчаливое ріапо...

*** Въ „Вѣдомостяхъ Спб. Градоначальства“ напечатано объявленіе судебного пристава:

„22 марта съ 10 ч. утра на Мойкѣ, въ Новомъ театрѣ въ домѣ № 61 будетъ продаваться движимое имущество Ольги Васильевны Некрасовой-Колчинской, состоящее изъ мебели и разныхъ декораций, оцѣненное для торговъ въ 860 рублей“.

Такъ кончилась печальная исторія антрепризы г-жи Некрасовой-Колчинской. Печальная—для артистовъ, которымъ отъ „движимаго“ имущества г-жи Некрасовой достанутся гроши...

*** Изъ рецензіи „Бирж. Вѣдом.“ о піанистѣ Романовскомъ.
„У него есть крупный недостатокъ: невыработанность ріапо, но...“

Въ моменты, подобные переживаемому, необходимы такіе сильные, протестующіе звуки, хотя бы безъ контраста болѣе мягкихъ. Рояль Романовскаго какъ бы говоритъ:

Я—голосъ будущей Россіи, могучей, не умѣющей гнуть шею“.

Смѣемъ завѣрить г. рецензента, что отсутствіе ріапо одинаково скверно во всѣ періоды исторіи...

*** „Пиковая дама“ въ Берлинской Королевской оперѣ провалилась. Критики находятъ, что Чайковскій всецѣло находился подъ влияніемъ Моцарта и отчасти Бетховена, что своего, самобытнаго, оригинальнаго, у него въ „Пиковой дамѣ“ очень мало.

А одна газетка обрушилась даже на текстъ оперы. Досталось отъ „высокоталантливыхъ“ нѣмцевъ „бездарному“ Пушкину. И особенно за Германа. Офицеръ Германъ! Представитель благородной касты!—вдругъ ночью забирается къ старухѣ въ спальню и угрозами вымогаетъ у нея указаніе трехъ заколдованныхъ картъ...

— Офицеръ! Позоръ! Оскорбленіе арміи!

*** Въ Тифлисъ недавно чествовали мѣстнаго декоратора, 10 лѣтъ неустанно работавшаго для театра. „Вечеръ—повѣствуетъ „Тиф. Лис.“—носилъ характеръ скромный. О торжествѣ напоминали лишь національные флаги, разукрасившіе аудиторію“.

Не болѣе и не менѣе...

Малехкій фельетонъ.

О вызовахъ авторовъ.

Обычай вызывать автора на первомъ представленіи его пьесы въ настоящее время „укоренился“ до того, что даже самаго скромнаго успѣха достаточно для того чтобы въ театрѣ нашлось нѣсколько челоѣкъ, готовыхъ до хрипоты надрываться нацѣ крикомъ: „автора!“

Небезынтересно прослѣдить, насколько старъ этотъ обычай. Насколько мнѣ извѣстно, театральныя монографіи не содержатъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, поэтому можетъ быть моя маленькая замѣтка пополнить этотъ пробѣлъ. Мнѣ удалось недавно натолкнуться на два такихъ указанія и съ ними-то я и хочу познакомить читателей.

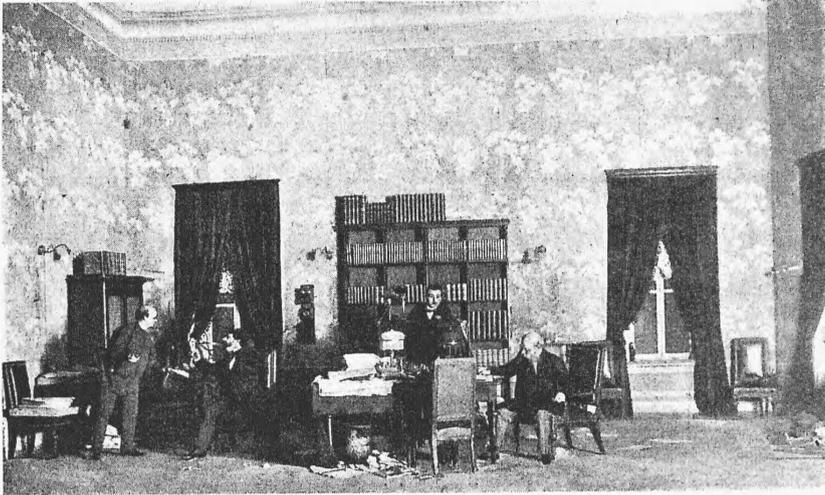
Въ одномъ изъ своихъ произведеній, въ разсказѣ „Ариелла“, Захеръ-Мазохъ упоминаетъ, что въ 1592 г. въ „Blacktriars-театрѣ“ въ Лондонѣ, впервые ставилась трагедія Шекспира „Ромео и Джульетта“. Пьеса произвела на зрителей такое сильное впечатлѣніе, что наперекоръ существовавшему до того времени обычаю вызывать только исполнителей, Шекспиръ былъ вызванъ всѣмъ театромъ на сцену. Такимъ образомъ если сообщеніе Захеръ-Мазоха точно, то обычай вызывать автора ведетъ свое начало со временъ Шекспира и насчитываетъ уже болѣе трехсотъ лѣтъ.

Второе, документально удостовѣренное, сообщеніе относится уже къ болѣе позднему періоду. Это сообщеніе указываетъ на вызовъ автора на сцену 26-го февраля 1743 г. Въ этотъ вечеръ состоялось первое представленіе трагедіи Вольтера „Mèrope“, которая настолько воодушевила публику, что она во что бы то ни стала захотѣла увидѣть автора и выразить ему свое восхищеніе. Вольтеръ самъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, разсказываетъ какъ это произошло: „Одушевленная публики было такъ велико, что она настойчиво стала вызывать меня. Я притаился въ укромномъ мѣстечкѣ, но мое мѣстопробываніе было открыто и меня насильно потащили въ ложу жены маршала де-Вильяръ, гдѣ находилась и ея невѣстка. Казалось публика сошла съ ума. Всѣ стали кричать и требовать, чтобы молодая герцогиня меня поцѣловала. Поднялся такой шумъ, что ей, въ концѣ концовъ, съ согласія ея свекрови, пришлось исполнить желаніе публики. Такимъ образомъ меня публично поцѣловали“...

Вслѣдствіи авторы перестали раскланиваться изъ ложъ и стали выходить на сцену. Впрочемъ, драматурги изъ военныхъ до сихъ поръ принуждены раскланиваться изъ ложъ такъ какъ ступить ногой на подмостки, даже и въ качествѣ автора, предосудительно для „высокаго званія“ военнаго челоѣка.

П. Немуродовъ.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТ.-ХУДОЖЕСТВ. ОБЩЕСТВА.



„Честный человек“, д. 3.

Путь къ драмѣ.

Ю. Баба.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

Поколѣніе девяностыхъ годовъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ господствовала непреодолимая увѣренность въ близкомъ расцвѣтѣ новой нѣмецкой драмы. Думать иначе—значило прослыть мрачнымъ, злонамѣреннымъ пессимистомъ. Слышались отголоски побѣдоноснаго энтузіазма «свободной сцены». За короткій промежутокъ времени, отъ 1890 до 1895 года, появилось множество начинающихъ талантовъ. Этотъ внезапный расцвѣтъ драматической литературы подавалъ блестящія надежды. Можно ли было сомнѣваться, когда послѣ продолжительнаго періода оскудѣнія, появился талантливый и вдохновенный Гергардъ Гауптманъ? А затѣмъ «Юность» Гальбе, «Матери» Гиршфельда, «Волокита» Шницлера? Когда стали извѣстны имена Гольца, Шлафа, Гартлебена и Росмера?

Множество новыхъ талантовъ и при этомъ новый стиль, новый реализмъ или натурализмъ, какъ общее достояніе всѣхъ этихъ молодыхъ силъ, дѣлавшее ихъ представителями школы, литературнаго теченія. Но увя прежде всего пришлось разочароваться въ новомъ стилѣ. «Натурализмъ» есть одно изъ нелѣпѣйшихъ заблужденій въ великой исторіи эстетики. И если, спустя всего столѣтіе послѣ смерти Геббеля, подобная художественная теорія встрѣтила въ Германіи серьезное сочувствіе, то это свидѣтельствуется лишь о томъ, что въ эпоху Дарвина и Бисмарка народъ поэтовъ и мыслителей отсталъ отъ эстетическаго образованія.

Freunde ihr wollt die Natur nachahmend erreichen, o Thorheit.

Kommt ihr nicht über sie weg, bleibt ihr auch unter ihr stehn.

Новые поэты, само собою уступали природѣ, и скоро всѣмъ стало

очевидно, что искусство, стремящееся къ наиболѣе точному воспроизведенію природы, нелѣпость, ибо истинное искусство облакаетъ природу и міръ въ высшую форму подобно тому, какъ мозгъ есть высшая форма органическихъ элементовъ.

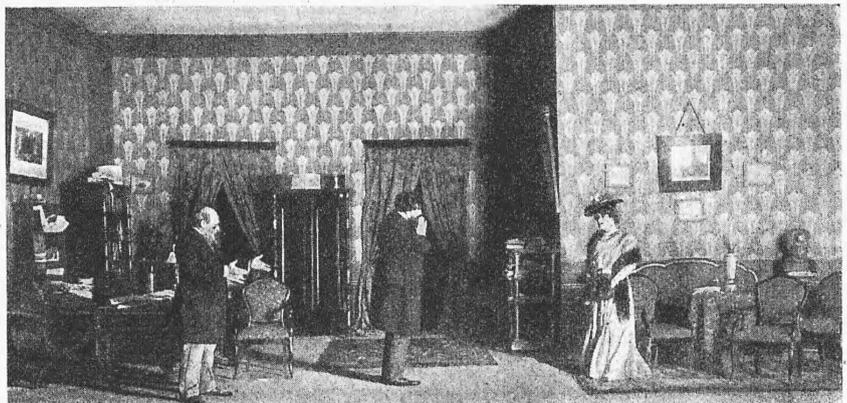
Бесплодность новаго стиля по отношенію къ драмѣ обнаружилась съ особенною ясностью. Драма воспроизводитъ борьбу таинственныхъ силъ, которыя въ жизни, и въ природѣ можно только чувствовать, а не созерцать. Сообщить этой борьбѣ видимую форму значитъ развѣ навсегда отрѣшиться отъ «природы», какъ ее понимаютъ догматики реализма. Ни одинъ изъ молодыхъ драматурговъ-натуралистовъ девяностыхъ годовъ не остался вѣрнымъ «программѣ», стараясь обойти теорію. Молодые поэты доказали, что въ новомъ поколѣніи зародилось стремленіе къ новой жизни, къ новымъ художественнымъ формамъ.

Я думаю, что уже и теперь можно сдѣлать слѣдующій болѣе или менѣе опредѣленный выводъ: поколѣніе девяностыхъ годовъ не создало и не создастъ новой нѣмецкой драмы высокаго стиля. Для всѣхъ очевидно, что возбуждающія нервы зрителя пьесы Зудермана такъ же далеки отъ стиля новой драмы, какъ и щекочущія тѣ-же самые нервы комедіи Фульда. Эти прирожденные ремесленники въ сущности ничѣмъ неотличаются отъ исписавшихся драматурговъ, истощившихъ весь запасъ внутренняго матерьяла, который они нѣкогда художественно обрабатывали, и тѣмъ не менѣе продолжающихъ, изъ самообмана, тщеславія и матеріальныхъ соображеній, писать ежегодно новыя пьесы. Къ числу такого рода писателей относятся между прочимъ Максъ Дрейнеръ, что уже несомнѣнно, и авторы «Юности» и «Матерей», что, впрочемъ еще оспаривается нѣкоторыми благосклонными друзьями. Но и это внезапное и окончательное оскудѣніе не заставило авторовъ честно и мужественно отречься отъ своего мнимаго призванія.

Итакъ, кто же изъ всей этой многочисленной плеяды оправдалъ ликованіе современниковъ? Очень немногіе. Къ нимъ относится, во-первыхъ, Іоганнъ Шлафъ, написавшій нѣсколько малоизвѣстныхъ, но художественныхъ драмъ. Его тонкая и глубокая психологія скрываетъ въ себѣ достоинства, которыя несомнѣнно

Итакъ, кто же изъ всей этой многочисленной плеяды оправдалъ ликованіе современниковъ? Очень немногіе.

Къ нимъ относится, во-первыхъ, Іоганнъ Шлафъ, написавшій нѣсколько малоизвѣстныхъ, но художественныхъ драмъ. Его тонкая и глубокая психологія скрываетъ въ себѣ достоинства, которыя несомнѣнно



„Честный человек“, д. 4.

окажутъ вліяніе на дальнѣйшее развитіе нѣмецкой драмы. Самъ Шлафъ не можетъ играть въ этомъ развитіи выдающейся роли, потому что ему не достаетъ сценическаго инстинкта и драматическаго темперамента.

Затѣмъ слѣдуетъ Гергардъ Гауптманъ. Можетъ быть это дѣйствительно наиболѣе выдающееся явленіе современнаго литературнаго міра. И тѣмъ не менѣе его нельзя назвать не только драматургомъ высокаго стиля, но и драматургомъ вообще, несмотря на то, что онъ обладаетъ крупнымъ сценическимъ дарованіемъ. Ему чуждо существенное свойство драмы «діалектика духа»; онъ не знаетъ борьбы великихъ, одинаково мощныхъ жизненныхъ силъ, кроющейся подъ внѣшней оболочкой каждой драмы. Всѣ его драмы лишены внутренняго діалога въ главнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Это лирическіе монологи; въ нихъ отсутствуетъ спокойное, объективное созерцаніе великаго руководителя борьбы, какимъ является истинный драматургъ; онѣ отличаются лихорадочнымъ, горячимъ пристрастіемъ. Этотъ лиризмъ выражается особенно ярко въ пьесѣ «Флоріанъ Гейеръ», весьма далекой отъ всякаго внутренняго и внѣшняго драматическаго элемента. И все-таки эта пьеса представляла зенитъ его творчества. Всѣ его послѣдующія пьесы, изображающія жизнь заурядныхъ людей («Возчикъ Геншель», «Роза Берндъ») ничѣмъ не превосходятъ его первыхъ произведеній. А тамъ, гдѣ онъ стремится создать нѣчто большее, обнаруживается вся его беспомощность. Не говоря уже о «Потонувшемъ колоколѣ», представляющемъ какое-то попури въ смыслѣ стиля, всѣ наиболѣе грандіозно задуманныя части «Шмокъ и Яу» заимствованы отчасти у Шекспира, отчасти у начинающаго Гофманстала. Безсильное подражаніе Ибсену въ «Михаилѣ Крамерѣ» граничитъ съ пародіей. Въ мрачномъ отреченіи бѣднаго Генриха проглядываетъ тщетное стремленіе къ сильному драматическому стилю. Когда «Пиппа пляшетъ», собственный искренній лиризмъ Гауптмана сплетается въ дикомъ хороводѣ со множествомъ литературныхъ традицій. Гауптману не достаетъ спокойствія, безпристрастнаго величія и поэтому послѣднее произведеніе написано непонятнымъ, банально мистическимъ языкомъ и нисколько не отличается наивною глубиной символической сказки.

Можно ли надѣяться, что этотъ ищущій обрящетъ? Гауптманъ умѣетъ только чувствовать; ему недостаетъ духовной мощи умѣнья находить среди жизненныхъ явленій моменты борьбы, т. е. истинный сюжетъ драмы. Талантъ Гергардта не обогатился за эти пятнадцать лѣтъ ни новымъ содержаніемъ, ни новой формой.

Наиболѣе развитымъ и окрѣпшимъ изъ всѣхъ этихъ молодыхъ талантовъ является Артуръ Шницлеръ. Содержаніе его пьесъ сдѣлалось серьезнѣе, мѣсто сентиментальныхъ увлеченій заступила глубокая жизненная борьба современной души. Онъ создалъ сильныя, сценически законченныя произведенія, но не нашелъ оригинальной новой формы. Невозможно говорить о стилѣ Шницлера; скорѣе можно допустить стиль Гауптмана, хотя его драматическій стиль весьма недраматиченъ и потому не законченъ. Свообразны у Шницлера только его небольшія шутки вроде «Анатолія», «Пляски» и т. д., которыя, вѣроятно, переживутъ его крупныя произведенія, но не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ развитія драматическаго стиля. Наиболѣе сильныя, своеобразныя произведенія Шницлера отличаются свободной, произвольной формой, въ противоположность натянутой формѣ Гауптмана. Онѣ органически измѣняются, приобрѣтаютъ шницлеровскую

окраску. Но самостоятельный, новый стиль въ нихъ отсутствуетъ. Его крупнѣйшее, богатѣйшее произведеніе «Покрывало Беатриче» написано романтическимъ языкомъ позднѣйшей вѣнской школы. Глубокіе, спокойные діалоги въ пьесахъ «Одинокій путь» и «Антрактъ» напоминаютъ символическій стиль Ибсена. Въ талантливой пьескѣ «Зеленый попугай», изображающей трагедію комедіантовъ и отражающей въ себѣ самоосужденіе вѣнскаго артистическаго міра и его эстетическихъ задачъ, его стиль можетъ еще показаться своеобразнымъ. Но какъ только онъ принимается за содержательный мотивъ какъ въ «Крикѣ жизни», стиль его становится необыкновенно пестрымъ, въ немъ сквозитъ вліяніе Ленца, Ибсена и даже Бауернфельда. Внутреннее единство шницлеровскаго своеобразія нарушается, изыщная меланхолія, звучащая въ его скептическихъ, блестящихъ умомъ діалогахъ, сразу куда-то исчезаетъ. свободная пѣснь борьбы звучитъ инымъ, чуждымъ Шницлеру тономъ. Можетъ быть, это остатокъ вѣнской привычки избѣгать рѣшительныхъ штриховъ. Но и этотъ талантливѣйшій представитель современнаго поколѣнія не общается ничего въ смыслѣ развитія новой нѣмецкой драмы высокаго стиля.

Вотъ краткій обзоръ драматической литературы за время отъ 1890 года. Неприятно начинать съ обвиненія, но ждать нечего. Необходимъ новый путь. Изъ всѣхъ писателей вышеозначеннаго періода новыми можно назвать только двухъ. Они рѣзко отличаются другъ отъ друга, но оба пролагаютъ истинный путь къ внутреннему обновленію драматическаго стиля. Пути ихъ различны, но оба они принадлежатъ къ новому, только что зарождающемуся литературному поколѣнію. Эти авторы еще не создали новой драмы и никто не можетъ съ увѣренностью сказать, что это имъ удастся. Но они избрали такой путь, по которому устремится все молодое поколѣніе. И этотъ путь можетъ дѣйствительно привести ихъ къ цѣли. Эти пионеры—Гуго фонъ Гофмансталь и Франкъ Ведекиндъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



„Заколдованый кругъ“.

Л. Рыдель, авторъ „Заколдованнаго круга“, неизвѣстенъ русской публикѣ. На родинѣ, въ Польшѣ, онъ считается, однимъ изъ лучшихъ поэтовъ изъ плеяды писателей т. н. „Молодой Польши“. Для меня Рыдель своеобразный талантъ, несмотря на то, что сочиненія его носятъ на себѣ слѣды вліянія разныхъ писателей: Гауптмана, Метерлинка, особенно Словацкаго. Уже разнообразіе родовъ творчества, въ которыхъ онъ себя проявляетъ, показываетъ, что онъ не пойдетъ по проторенной иными дорогѣ, что онъ выбивается на собственный путь и не закрѣпоститъ себя въ какой бы то ни было плеядѣ. Таланты одиноки. Разнообразіе темъ, интересующихъ польскаго писателя, тоже говорятъ о широтѣ и разнообразіи его наблюденій и настроеній.

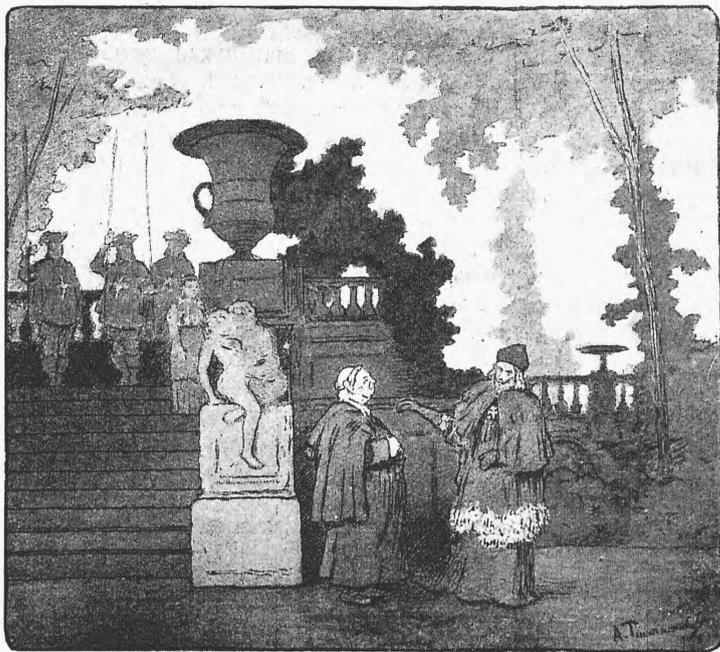
Мѣщанскій бытъ, бытъ крестьянскій и среда старопольской шляхты влекутъ поэта, какъ манитъ его таинственная жизнь лѣса и міръ духовъ. Боги Греціи и образы христіанства заставляютъ звучать его лиру.

Рыдель пишетъ и статьи по литературѣ. Онъ требуетъ въ нихъ освобожденія поэзіи отъ давленія политики, морали и какихъ бы то ни было тенденцій. Тѣмъ не менѣе его драма „Заколдованный кругъ“ поучительна, какъ и поучительна книга жизни.

Содержаніе драмы Рыделя не легко передать. Въ ней какъ и во всѣхъ пьесахъ высшаго порядка порядкомъ тѣсно связано съ формой и при передачѣ отдѣльно содержанія оно теряетъ главные элементы своего значенія.

Пороки и страсти подтачиваютъ корни польской шляхты и

АЛЕКСАНДРИНСКІИ ТЕАТРЪ.



„Ришелье“, 5-я картина (въ садахъ Лувра).

Рис. А. Ростиславова.

крестьянства 17 вѣка, но, вѣра мечта и поэзія охраняютъ польскій народъ отъ злыхъ силъ. Вотъ ея суть.

Страсти, постоянные спутники человѣка, мутятъ свѣтлый источникъ его души и приводятъ его къ гибели. Они изображены въ пьесѣ, какъ нѣчто внѣшнее въ видѣ двухъ дѣволовъ: Борута и Кусы.

Борута идетъ по пятамъ шляхты.

Онъ тотъ,

Кто отъ первыхъ королей
Съ воеводами пируетъ,
Кто побѣду торжествуетъ
Надъ панами на пирахъ
Ловить ихъ въ своихъ сѣтяхъ.

Кусы дѣйствуетъ въ народной средѣ и является въ обликѣ иностранца изъ нѣмцевъ, отъ которыхъ по представленію народа идетъ все зло.

Борута говоритъ:

Души слабыя пановъ
Я пойду ловить проворно.

А Кусы заявляетъ съ высоты крыши.

Много вижу всякой дворни
Въ суетѣ вокругъ возовъ
Рѣжутъ куръ, телятъ, барановъ
Для вельможныхъ ясныхъ пановъ.—

Вотъ его царство:

Мой дворянчикъ, говоритъ Борута, твой мужикъ.

Внѣ заколдованнаго круга страстей живутъ существа, преданныя вѣрѣ, мечтѣ и поэзіи, разлитой въ природѣ, существа, которыя прислушиваются къ ея пѣснѣ, къ ея мудрымъ предвѣщаніямъ.

Вотъ лѣсной дѣдъ, столѣтній старецъ, онъ ушелъ отъ людей въ лѣсныя дебри. Живя съ деревьями, онъ точно самъ сталъ столѣтнимъ дубомъ, и какъ онъ, молится звѣздному небу, какъ онъ, клянеть людей и предостерегаетъ ихъ отъ гибели, зоветъ подѣ защиту благодатной сѣни природы.

Вся пьеса это апологія мечты и вдохновенія пѣсни вольной какъ вѣтеръ, независимой и не продажной. Въ лицѣ Глупаго Матуся Рыдель изображаетъ живущую въ польской породѣ поэзію, пѣсню, защитницу народа отъ грозящаго распада подѣ влияніемъ злыхъ силъ. Глупый Матусъ слышитъ пѣсню всюду и внѣ его и въ его груди.

Съ неба пѣсня точно льется,

Эхомъ сладкимъ отдается

Всюду на землѣ.

Пѣсню слышу на полянѣ,

Въ передутреннемъ туманѣ

И въ вечерней мглѣ.

Гдѣ пасу коровѣ стадо
Лугъ широкий за оградой
Лѣтнею порой;
Въ рошѣ бѣлыя березы,
Въ травкѣ пестрыя стрекозы,
Мотылецковъ рой—
Все поетъ. Для этихъ пѣсень
Лугъ зеленый сталъ и тѣсень,
Маль зеленый лѣсъ.

Я сказалъ: суть пьесы—изображеніе пороковъ и страстей, губившихъ польскій народъ въ 17 вѣкѣ, какъ они губятъ всѣ народы міра.

Когда пороки и страсти воцаряются въ народѣ—они гонятъ прочь отъ него честь, мужество и вдохновеніе, эти начала, удерживающія его отъ гибели въ водоворотѣ жизни. Польскій народъ перенесъ всѣ бѣдствія благодаря живущимъ въ немъ оздоравливающимъ силамъ. Благодаря вѣрѣ и мечтѣ и вдохновенію, стоящимъ на стражѣ у его порога. Вотъ что говоритъ Рыдель своей пьесой „Заколдованный кругъ“.

И. Гриневская.



Первые шаги великой артистки.

(Изъ воспоминаній объ М. Н. Ермоловой).

Это было, если мнѣ не измѣняетъ память, въ 1872 году.

Я былъ тогда студентомъ московскаго университета и принадлежалъ къ многочисленному кружку любителей театра. Труппа тогдашняго Малаго театра въ Москвѣ была образцовой. Достаточно назвать имена артистовъ того времени: Шумскаго, Прова Садовскаго, Живокини, Рѣшимова, Вильде, Самарина и артистокъ Е. Н. Васильеву, Акимову, Никулину, Фодотову—имена остающіяся безсмертными въ міровой исторіи театра, чтобъ избѣжать упрека въ преувеличеніи.

И вотъ среди этой артистической семьи появилась юная, только что окончившая театральное училище, воспитанница—М. Н. Ермолова. Ей назначили жалованья 50 рублей въ мѣсяцъ съ ея костюмами.

Сравнительно со своими подругами, она считала



„Ришелье“.

Юсифъ (г. Семашко-Орловъ).

Рис. А. Ростиславова.

себя счастливою—въ то время въ кордебалетъ выпускали на жалованье въ 200 рублей въ годъ. Именно послѣдній окладъ получала подруга М. Н. по театральной школѣ одного съ ней выпуска В. Р. Топольская, нынѣ покойная, которой я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ М. Н. Ермоловой.

В. В. Топольская жила въ Каретномъ ряду у церкви Спаса, въ глубинѣ церковной площади въ нижнемъ почти подвальномъ этажѣ деревяннаго дома на каменномъ фундаментѣ, какъ разъ за деревяннымъ домикомъ съ мезониномъ, гдѣ жилъ суфлеръ Малаго театра Н. А. Ермоловъ съ женой и тремя дочерьми; изъ которыхъ старшая была—Марья Николаевна.

У молодежи есть чутье къ талантамъ, а потому М. Н. Ермолова съ первыхъ шаговъ на сценѣ завоевала себѣ симпатіи студенчества. М. Н. очень быстро стала кумиромъ московскаго студенчества.

Мнѣ посчастливилось, какъ уже я упомянулъ, черезъ Топольскую лично познакомиться съ М. Н.

Попастъ къ ней молодымъ людямъ было почти невозможно, покойный Н. А. Ермоловъ не пускалъ къ себѣ молодежи, но у В. В. Топольской Марья Николаевна бывала ежедневно, а иногда забѣгала къ ней по два раза на дню и вскорѣ, при моемъ посредствѣ, квартира В. В. сдѣлалась штабъ-квартирой студентовъ-поклонниковъ молодой артистки.

Сколько хорошихъ, чистыхъ воспоминаній сохранилось у меня отъ этого времени!

Какія прекрасныя вечеринки («въ складчину») устраивали мы у В. В. Топольской, тутъ кромѣ М. Н. Ермоловой бывали ея подруги по школѣ, А. В. Аристова, впоследствии опереточная артистка въ группѣ М. В. Лентовскаго, Кудрявцева, пианистка, учившаяся въ московской консерваторіи, М. В. Лентовскій, тогда еще бѣднякъ-артистъ, я и нѣсколько моихъ товарищей.

Тутъ М. Н. Ермолова декламировала монологи изъ «Орлеанской дѣвы» задолго до исполненія ею этой роли на сценѣ. Тутъ изъ разбитаго фортепiano извлекала пианистка Кудрявцева звуки, казавшіяся намъ дивными, или аккомпанировала А. В. Аристовой, пѣвшій шансонетки, и М. В. Лентовскому, исполнявшему комическіе куплеты.

Тутъ же обсуждались и театральныя дѣла.

М. Н. Ермолову, выражаясь закулиснымъ языкомъ, «затирали» и противъ нея шла сильная интрига, во главѣ которой стояла Г. Н. Ѳедотова.

Черезъ насъ объ этомъ знало московское студенчество и возмущалось. Находились энтузіасты, которые грозили убить Г. Н. Ѳедотову. Впрочемъ, въ то время отъ угрозъ до выстрѣловъ было очень далеко... Тѣмъ не менѣе у одного изъ студентовъ товарищами былъ отобранъ револьверъ, съ которымъ онъ стоялъ у артистическаго подъѣзда Малаго театра, поджидая выходъ Г. Н. Ѳедотовой.

Успѣхъ Ермоловой росъ на моихъ глазахъ—ей дѣлали овалы въ пьесахъ «Эмилиа Галотти», «Материнское благословеніе», но не давали настоящихъ ролей. Наконецъ, ей была обѣщана роль Катерины въ «Грозѣ» Островскаго. Роль, принадлежавшая до тѣхъ поръ Г. Н. Ѳедотовой.

Это было событіе для студентовъ-театраловъ.

Мы стали ждать.

Какъ теперь послѣ помню въ концѣ января мѣсяца я зашелъ послѣ лекцій днемъ къ В. В. Топольской и вскорѣ послѣ меня туда пришла М. Н. Ермолова, вся въ слезахъ.

Оказалось, что «Гроза» Островскаго идетъ въ Большомъ театрѣ и въ роли Катерины появится снова Г. Н. Ѳедотова.

— Почему?

— Я то же спросила въ конторѣ—отвѣчала М. Н.—мнѣ сказали, что въ этотъ вечеръ я занята въ Маломъ театрѣ въ пьесѣ «Изъ моря житейскаго».

Въ этой пьесѣ у М. Н. была маленькая эпизодическая роль въ одномъ актѣ. Послѣ горькихъ слезъ молодой артистки, я не спалъ всю ночь. На другой день въ университетѣ, собравъ вокругъ себя товарищей, я горячо и картинно передалъ имъ горе артистки.

— Господа, надо протестовать!..

— Протестовать!..

Протестъ выразился въ томъ, что студенты раздѣлились на двѣ партіи, запаслись на оба спектакля билетами не только въ излюбленномъ «раю», но даже въ партерѣ—нѣкоторымъ это стоило залога ихъ шубъ—такъ какъ неимущимъ товарищамъ билеты покупались за счетъ имущихъ...

Г. Н. Ѳедотова была освистана, и съ ней сдѣлалось дурно на сценѣ.

М. Н. Ермолову мы вызвали «соло» семнадцать разъ, распрягли карету артистки и повезли ее по Петровкѣ.

На половинѣ дороги мы были остановлены полиціей—многіе попали въ часть, но были отпущены «съ миромъ»—въ то время въ Москвѣ на этотъ счетъ не было особыхъ строгостей. Да и увлеченіе искусствомъ было въ духѣ исторической московской «фронды».

Цѣль же достигнута—роль «Катерины была передана М. Н. Ермоловой. Всѣ знаютъ, какъ играла она эту роль. Затѣмъ она выказала весь блескъ своего огромнаго таланта въ «Юаннѣ Д'Аркъ»; сколько тревогъ доставилъ молодой артисткѣ костюмъ, который она должна была дѣлать на свой счетъ.

Наконецъ ей дали бенефисъ—это было, если я не ошибаюсь въ 1874 г.—она появилась въ роли Лауренсіи въ драмѣ Лопе-де-Вега «Овечій источникъ» въ переводѣ Е. Юрьева. Этотъ бенефисъ доказалъ, насколько прочно въ сердцахъ публики живетъ настоящій талантъ.

Интрига спрятала свои когти.

Змѣи злословія еще пытались шипѣть на великое имя, но вскорѣ замолкли, и какъ М. Н. Ермолова была съ первыхъ шаговъ своей сценической карьеры, «актриса-человѣкъ», «актриса-гражданка»—ни одно пятнышко не лежитъ на ея имени.

Одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ-стихотворцевъ воспѣлъ ее въ слѣдующихъ стихахъ, которымъ стукнуло, увы, много лѣтъ:

Ты, понявшая свято искусство,
За кулисы внесла за собой
Не продажныя ласки и чувства.
Торговать ты своей красотой
Не хотѣла... Актрисы призванье
Ты иначе, святѣй поняла
И съ девизомъ: «честь, трудъ, прилежанье»
Всю искусству себя отдала...

По тому времени это былъ огромный искусъ, и М. Н. Ермолова его выдержала до конца...

Plato.



Театральныя замѣтки.

Въ число «любителей драматическаго искусства» записались и литераторы. За послѣдній годъ, кажется, ставится третья пьеса («Плоды проsvѣщенія», «Ревизоръ» и на-дняхъ «На днѣ»). Современемъ, такимъ образомъ, можетъ образоваться «Литературный» театръ, безо всякихъ кавычекъ и иносказаній, и къ возстановленію разорваннаго единства между литературою и театромъ мы придемъ не съ того конца, съ какого шли Шекспиръ и Мольеръ, писавшіе для себя роли, а съ противоположнаго: написавъ пьесу, литераторы станутъ примѣрять на себѣ роли. Въ сущности, зачѣмъ раздѣленіе труда? Какъ писалъ Н. К. Михайловскій въ своихъ статьяхъ о «борьбѣ за индивидуальность», «подправляя» Спенсера, процессъ расчлененія и усложненія жизни ведетъ къ тому, что часть становится работою цѣлаго. Полнота же личности наступитъ тогда, когда она будетъ вмѣщать «въ свои концы» все необходимое для существованія и развитія, такъ что чело-вѣкъ станетъ — «и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ». Я читалъ, что г. Вересаевъ возстаеъ противъ актерскаго любительства среди литераторовъ, но это потому, что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія древнихъ мидянъ, полагававшихъ, что особы царскаго и жрече-скаго рода не должны показывать лица своего публикѣ. Отчасти, но въ другомъ родѣ, этого взгляда держится католическая церковь, заставляющая народъ молитвословить Господа и взывать къ нему на языкѣ, котораго народъ не понимаетъ, ибо это выходитъ торжественнѣе и допускаетъ цѣлый рядъ таинственныхъ комментариевъ. Но г. Вересаевъ, вмѣстѣ съ мидянами и папами, ошибается. Публика любитъ посмотрѣть на писателя, особенно если ее поинтриговать сначала, а литераторы въ это время обыгрываются, и можетъ быть, зарождается уже новый театръ, который будетъ также славенъ, какъ театръ г. Станиславскаго, составившійся изъ любителей.

Я не скажу, чтобы актерское любительство было насущнѣйшею задачею писателей. По пути освобожденія себя отъ зависимости и возсозданія гармо-

нической и цѣльной личности («и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ»), первымъ шагомъ я бы считалъ наборно-типографское любительство. Сейчас писатель находится въ зависимости отъ наборщика, безъ помощи и посредства котораго не можетъ довести до свѣдѣнія читателей плоды своихъ высокихъ думъ. Труппа литераторовъ-наборщиковъ, хотя бы и любителей, была бы очень кстати. Конечно, наборъ, особенно въ первое время, былъ бы плохъ, но во-первыхъ, писатели, сами набирая оригиналь, приучились бы писать разборчивѣе, а во-вторыхъ, во время медленнаго и неловкаго набора, писатели имѣли бы достаточно досуга для того, чтобы подумать о томъ, что они пишутъ, и произвели бы немалыя купюры.

Экономическая же сторона появленія литераторовъ-наборщиковъ — внѣ всякаго сомнѣнія.

Тѣмъ не менѣе, если сначала образовалась любительская труппа литераторовъ-актеровъ, а потомъ образуется любительская труппа литераторовъ-наборщиковъ, то не будемъ спорить, и примемъ фактъ какъ онъ есть.

Спектакли литераторовъ-любителей во многихъ отношеніяхъ весьма поучительны. Вотъ я смотрѣлъ «На днѣ», и по чести долженъ сказать, что исполнили гг. писатели роли весьма добропорядочно. Конечно, мѣстами, гдѣ требовались быстрота и живость, выходило совсѣмъ неважно, но общее впечатлѣніе было рѣшительно благоприятное. Такъ какъ я считаю актерское дѣло необычайно труднымъ и отвѣтственнымъ, а съ 3 спектаклей обра-

титься въ актеровъ никакъ нельзя, то стараюсь себѣ уяснить причину непонятнаго для меня и тѣмъ не менѣе несомнѣннаго факта: вполнѣ удовлетворительнаго исполненія гг. писателями пьесы «На днѣ», — я долженъ былъ принять единственную гипотезу, — что М. Горькій пишетъ свои пьесы не для актеровъ, а для любителей, такъ сказать, для своего брата, писателя-любителя. Никогда еще слабость драматическаго построения пьесы Горькаго не открылась мнѣ съ такою очевидностью, какъ при исполненіи ея писателями, и не потому, что они плохо играли, а потому, что играли болѣе, чѣмъ удовлетворительно, мѣстами даже хорошо.

Въ моихъ словахъ нѣтъ ничего парадоксальнаго. Трудность актерскаго искусства, трудность игры заключается конечно не въ логическомъ, правиль-



С. И. Друзякина.

(Къ поступленію въ труппу московскаго Большаго театра).

номъ и ясномъ чтеніи; эта трудность даже не въ томъ, чтобы нарисовать гримомъ, жестомъ, а главное, иттонаціею и тономъ извѣстный образъ. Вся трудность въ томъ, чтобы, установивъ сценической образъ, провести его цѣльнымъ и нерушимымъ, всегда себѣ равнымъ психологически и физически, черезъ цѣпь дѣйствій, движеній и столкновений. Характеръ себѣ равенъ. Это аксіома художественнаго творчества, какъ, впрочемъ, и дѣйствительности, задача же художественнаго произведенія—равенство характера самому себѣ доказать на примѣрѣ и опытѣ различныхъ положеній, въ которыхъ характеръ оказывается. Соотвѣтственно съ такою задачею литературнаго, а особенно драматическаго произведенія, складывается и сценическое искусство. Актеръ набросалъ контуры образа, пятно его, слѣпилъ лицо, и затѣмъ его искусство тѣмъ замѣчательнѣе, чѣмъ определеннѣе во всѣхъ комбинаціяхъ, въ которыхъ его ставитъ фантазія автора, онъ обнаруживаетъ этотъ характеръ. Сценической персонажъ переходитъ отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ гнѣва къ радости, отъ восторга къ унынію, онъ растетъ въ движеніи, достигаетъ павоса, борется, страдаетъ, вступаетъ въ состязанія, побѣждаетъ, падаетъ, поднимается,—и всегда во всѣхъ состояніяхъ, на всѣхъ точкахъ замкнутаго круга, который называется его драматическою біографіею, онъ тотъ же Отелло, Мооръ, Бальзаминовъ, Хлестаковъ, Кречинскій, Красновъ...

Пожалуйста, припомните «На днѣ». Если откинуть Пепла и Василису, у которыхъ есть извѣстная смѣна психологическихъ состояній и нѣкоторая, очень несовершеннѣе очерченная, едва лишь намекомъ, борьба—все остальное въ «На днѣ» есть неподвижный, упрямо остановившійся фонъ, который только благодаря любезности автора, растянутъ на 4 акта, а могъ-бы быть растянутъ и на 44. Только, благодаря произвольной комбинаціи авторскихъ намѣреній, этотъ фонъ называется баронъ, Сатинъ, актеръ, татаринъ, Бубновъ. вмѣсто барона могъ-бы быть, столь же тщательно принаряженный въ лохмотья прежняго барства, графъ (Лука говоритъ: «графа видѣлъ, а вотъ барона не приходилось»), вмѣсто Сатина, который говоритъ «Сикамбръ!», могъ бы фигурировать, положимъ, спившійся дьяконъ, который бы прочищалъ горло громовымъ «аллилуія», вмѣсто актера, вспоминающаго свои бывшая вдохновенія, могъ бы оказаться столь-же, если не болѣе интересный, гробовщикъ, вмѣсто Бубнова, перекрашивавшаго собакъ въ енотовъ, могъ бы быть слесарь, прежде работавшій замки у генерала, вмѣсто татарина—еврей или нѣмецъ. Всѣ эти новыя лица могли бы говорить такъ-же остроумно, какъ первая смѣна, и съ такою же находчивостью, какъ третья.

Фонъ, статика, неподвижность... Въ качествахъ фона, всѣ эти «лица», очень напоминающія декоративныя подробности, дѣлаютъ и говорятъ 4 акта почти одно и то же. Почти одно и то же психологическое состояніе владѣть ими. Картина неподвижнаго стоянія—вотъ что такое ночлежка Костылева. Это было, есть и будетъ.

Я здѣсь не намѣренъ вдаваться въ разборъ «На днѣ»,—объ этомъ много говорилось, и тѣ, которые все-таки думаютъ, что публицистическіе, фельетонные, живописно-художественные разговоры составляютъ пьесу, должны были бы посмотреть спектакль гг. писателей для того, чтобы убѣдиться въ противномъ. Потому что, видите ли, пьеса требуетъ актеровъ—это мой взглядъ, тогда какъ очень талантливыя «разговоры въ лицахъ», являя собою дилетантизмъ отъ драматургіи, могутъ превосходно обходиться при помощи интеллигентныхъ и талантливыхъ дилетантовъ.

Гг. писатели распредѣлили между собою роли, соображаясь съ внѣшними данными. А затѣмъ, такъ какъ они, безспорно, очень интеллигентны и обладаютъ художественнымъ вкусомъ и воображеніемъ, то и сдѣлали, почти всѣ, нарисовать лицомъ и тономъ, соотвѣтствующія фигуры. Въ театрѣ движенія, гдѣ требуются переживаніе, наростаніе страсти, гдѣ одинъ реагируетъ на другого, гдѣ всѣ лица связаны въ одно цѣлое, какъ пальцы, сжатые въ кулакъ, и гдѣ все такъ же необходимо,—они бы немедленно «сорвались» съ тона. «Держать тонъ», играть другъ съ другомъ, не утрачивая подъ давленіемъ и вліяніемъ инородной психологіи свою собственную, а наоборотъ своею индивидуальностью все время способствуя выдѣленію партнера—это сценическое искусство. Но тянуть 4 или 14 или 44 акта все одну и ту же свою собственную ноту, негнушущую и прямую, оставаясь только въ своей собственной плоскости и ведя свой собственный, совершенно ни отъ кого независимый разговоръ, какъ въ «На днѣ»—для этого довольно сценическаго дилетантизма, и потому гг. писатели вполне справились съ своею задачею.

Они такъ мило играли, т. е. разговаривали, гг. Чириковъ, Арабажинъ, Баранцевичъ, Дымовъ, Тихоновъ,—не только тѣ, которыхъ я съ удовольствіемъ читаю, но и тѣ, которыхъ я не имѣлъ удовольствія читать. Впрочемъ, я увѣренъ, что они еще лучше пишутъ, чѣмъ играютъ, напримѣръ, г. Сургучевъ, г. Григорьевъ и др.

Одержавъ блестящую побѣду на сценическихъ подмосткахъ, въ качествахъ исполнителей, братья-писатели тѣмъ самымъ немножко развѣнчали репутацію современной драматургіи, до того приблизившейся къ разсказу, что съ нея совершенно достаточно грамотнаго, логическаго, умнаго чтенія...

Вотъ причина—думалъ я, смотря братьевъ-писателей,—непостижимой удачи московскаго Художественнаго театра, возникшаго изъ любительскаго и пользовавшагося услугами совершенно незрѣлыхъ, неопытныхъ исполнителей. Вотъ Тетерева, наприм., въ «Мѣщанахъ» у г. Станиславскаго игралъ заправскій пѣвчій съ октавой, неуклюжій и огромный. И что же? Имѣлъ успѣхъ! А потомъ, какъ роль кончилась, съ него «актерство» и отскочило, словно старая скорлупа: изъ пѣвчихъ вышелъ, въ пѣвчіе превратился...

Да, театръ неподвижно-резонерскаго топтанія на одномъ мѣстѣ, которое гг. новаторы называютъ «статическимъ театромъ» — есть конецъ театра. Братья-писатели показали это не только своими талантливыми произведеніями, но и своею талантливою игрою. Потому что, видите ли, братья-писатели, если возможны очень оживленные споры о томъ, являются ли театромъ разговоры въ лицахъ, и достаточно ли быть «братомъ-писателемъ» для того, чтобы быть драматургомъ, то относительно второго, т. е. игры, я полагаю, вы и сами спорить не станете и признаете, что вы не актеры. Не актеры, а играете почти всѣ—хорошо. Отсюда ясно, что то, что вы играете, вовсе и не требуетъ актеровъ, ибо все это вовсе и не театръ. «И не уполномоченный, и не особа», какъ говоритъ почтмейстеръ въ «Ревизорѣ». «А что же онъ, по вашему?» «Да ни то, ни се, а чертъ знаетъ что!»

Я боюсь, что въ моихъ замѣткахъ найдутъ что либо обидное по адресу братьевъ-писателей. Однако, ничего обиднаго я и въ мысляхъ не имѣлъ. Наоборотъ, я констатирую: «На днѣ» — не пьеса, но талантливое произведеніе, писатели не актеры, а хорошо ведутъ свои роли. Что же въ этомъ обиднаго? Курица не птица, а приготовьте ка ее съ ри-



Великопостный переходъ казенныхъ актеровъ въ сосѣдній театръ.

(Безопасность гарантирована!). (Шаржъ). Рис. А. Любимова.

сомъ подъ желтымъ соусомъ! Плохо приходится только актеру. Одинъ въ «На днѣ» — уже повѣсилъ, понимая, что ему рѣшительно дѣлать нечего въ нынѣшнихъ пьесахъ. Боюсь, что, благодаря вашему статическому театру, братья-писатели, повѣсятъ и прочіе актеры, которымъ дѣлать нечего. У меня за нихъ щемитъ слегка сердце, и оттого, быть можетъ, нынѣшняя бесѣда вышла грустнѣе обыкновеннаго. Но не сердитесь, братья-писатели! Дѣло извѣстное: «дуракъ актеръ! всю пѣсню испортилъ». Такъ говорится въ «На днѣ» — пьесѣ, которую вы такъ умно, интеллигентно, талантливо сыграли...

А. Кугель.

Харьковскія письма.

Я началъ свои замѣтки объ открытіи мѣстныхъ театровъ перефразой гоголевскаго восклицанія: «сезонъ начался, а на душѣ такъ тревожно!» У меня было тогда естественное опасеніе раньше всего за судьбу тѣхъ театральныхъ тружениковъ, которые такъ довѣрчиво пошли въ два однородныхъ предпріятія (двѣ драмы) въ надеждѣ, что одно изъ нихъ непременно «сорветъ» другое, чтобъ завладѣть всецѣло полемъ дѣятельности... Этого, къ счастью, не случилось, — оба нашихъ драматическихъ театра завершили бѣгъ своего круга благополучно, — и я теперь могу воскликнуть: «сезонъ кончился и на душѣ стало легко!» Да, легко. Кончился наконецъ, этотъ нелѣпый поединокъ двухъ драматическихъ труппъ, которыя,

именно можно сказать, лѣзли на «Стѣны» и потерялись въ «Хаосѣ» работы и намѣреній, обгоняя другъ друга и стараясь въ сущности объ одномъ: раньше успѣть произнести знаменитое «э»... Конкурентная забота, лежавшая тяжкимъ гнетомъ на душѣ у руководителей двухъ нашихъ драматическихъ труппъ, сообщилась и артистамъ, которые, очевидно, ради сохранения тайны, сами часто не знали, что они готовятъ, а иногда — даже что играютъ... Оба театра въ этомъ смыслѣ доходили до такихъ крайностей въ приемахъ борьбы: объявить пьесу одинъ театръ, а другой уже спѣшитъ сыграть ее, а то въ день перваго представленія какой нибудь сенсационной новинки подносить ее по «общедоступнымъ», а то и «половиннымъ» цѣнамъ... Такъ было не только съ «Шерлоками», но со «Склепомъ», «Стѣнами», «Хаосомъ»... Прямо какъ на толкучкѣ, — покупателя зазываютъ выкрикиваніями и хватаніемъ за полы, раскидывая передъ нимъ «выгодную покупку» на улицѣ...

Со времени существованія харьковской драмы мнѣ лично извѣстны только два такихъ случая одновременнаго существованія драмы, — и оба кончились крахомъ: первый былъ въ 1875 или 76 г., когда въ оперномъ театрѣ Пашенко игралъ покойный Никиф. Ив. Новиковъ съ своей труппой (въ драматическомъ была труппа Н. Н. Дюкова) и затѣмъ второй случай былъ четыре года тому назадъ съ Форкатти, тоже желавшимъ привить «вторую драму» въ Маломъ театрѣ, — печальная судьба постигла обоихъ. Только этотъ сезонъ былъ доведенъ до конца, но «какою цѣною»? Да, по истинѣ, какою цѣною!..

Катастрофа съ Линтваревской драмой произошла уже въ срединѣ октября, когда у антрепренера нечѣмъ было платить за театръ и не съ чего было платить жалованье труппѣ, — г. Линтваревъ задолжалъ послѣдней за 22 дня, но за театръ заплатилъ все, чтобы удержать его за собою. Крахъ этотъ былъ неизбеженъ и случился бы онъ всеконечно даже и безъ конкуренціи другой драмы — г. Соколовскаго. Спасла дѣло городского театра А. В. Шорохова, которой этотъ человѣколюбивый подвигъ обошелся болѣе чѣмъ въ 30,000 рублей! Кое что въ погашеніе этой дѣйствительной цифры потери

поступить, конечно, отъ эксплуатации театра, но это будетъ каплей... По моимъ свѣдѣніямъ, городской театръ сдѣлалъ валового сбора (съ вѣшалкой) едва свѣше 60,000 руб.—цифру совершенно ничтожную по сравненію съ расходами по дѣлу! Театръ Коммерческаго клуба, дѣлавшій несравненно большіе сборы, чѣмъ городской,—имѣлъ ихъ около 90,000 руб. Потери г. Соколовскаго, по его словамъ, составляютъ 15,000 р. при условіи если считать полнымъ рублемъ цѣнность сдѣланнаго на 21,000 руб. имущества. Потеря ограничивается 15,000 руб., надо къ этому прибавить, потому только, что г. Соколовскій платилъ труппѣ лишь 70% жалованья, а при полномъ платежѣ у него была бы такая же потеря, какъ у г-жи Шороховой.

И такъ, за удовольствіе публики имѣть двѣ драмы изведено двумя антрепренерами и актерами двухъ труппъ почти что 70.000 руб. И цифры эти не бутафорскія, а самыя дѣйствительныя, натуральныя, которыя чувствуются въ карма-нахъ... Жаль этихъ денегъ! Не грѣшно было бы удержать ихъ въ театральныхъ рукахъ и сдѣлать на нихъ настоящае дѣло,—и тѣмъ еще больше жаль ихъ, что ушли онѣ Богу вѣсть на что! Какую пользу принесъ этотъ сезонъ артистамъ и публикѣ? Послѣдняя, хотя и ходила въ театръ на половину за счетъ самого предпріятія, а не за свой счетъ (я разумѣю, что публика не окупила стоимость театровъ),—тѣмъ не менѣе мало пожалѣетъ она о томъ, что было, хотя въ одномъ театрѣ была прекрасная труппа (особенно женскій персоналъ ея), а въ другомъ—прекрасный режиссеръ, по которому тосковала давно уже харьковская драматическая сцена. Изъ всего ратоборства и всѣхъ напрасныхъ усилій въ благодарной памяти публики остается: „Склепъ“ и „Эросъ и Психея“ въ одномъ театрѣ и „Жизнь челоѣка“ да „Снѣгурочка“ въ другомъ,—и то послѣдняя отмѣчаю лично я, какъ любитель самоудовольствующей красоты въ искусствѣ,—для публики „Снѣгурочка“ прошла почти что не замѣтно. Гдѣ тамъ въ такое время, какъ наше, до прелестей истинной поэзіи и красоты весенней!..

Еще меньшіе удовольствія получили сами артисты. Бенефисы—это, если взять прежній критерій,—прошли у всѣхъ весьма слабо,—за исключеніемъ бенефисовъ двухъ премьеръ обоихъ театровъ; работая пришлось много и зачастую совершенно безъ толку и въ атмосферѣ напряженія и недружелюбія, какъ въ двухъ непріятельскихъ стѣнахъ... Впрочемъ Линтваревскіе артисты находились въ этомъ отношеніи въ условіяхъ болѣе благоприятныхъ, чѣмъ труппа г. Соколовскаго, даже въ матеріальномъ отношеніи: не имѣя гроша, она получила цѣлый алтынъ, не добравши всего только за 22 дня жалованья, а труппа г. Соколовскаго, „шестая навѣрняка“, потеряла жалованье свое за 50 дней! И надо замѣтить, что оклады-то у послѣднихъ всѣ были „усѣчены“ въ виду тѣхъ благородныхъ призывовъ, которые сдѣлалъ г. Соколовскій. Г. Линтваревъ стремился изо всѣхъ силъ „залучить“ къ себѣ хоть кого нибудь, а г. Соколовскій „перебиралъ“... Таково дѣло съ матеріальной стороны. Что касается художественной, то несомнѣнно, что артисты городского театра кое-что получили, работая подъ руководствомъ такого выдающагося по нашему времени режиссера, какъ К. А. Марджановъ. Къ сказанному мною о дѣятельности послѣдняго раньше я могу прибавить, что постановкой „Жизни челоѣка“ Андреева г. Марджановъ достойно завершилъ свою сезонную работу. Артисты труппы г. Соколовскаго и этого удовольствія въ своихъ собственныхъ художественныхъ запросахъ не имѣли: часть сезона ихъ тушевали гастролеры со своими окаменѣлыми трафаретками, а вторую часть они плыли сами безъ режиссерскаго руля, отдаваясь такъ сказать, попутному вѣтру своей талантливости и сценическаго опыта... Режиссура была у нихъ такая, что лучше о ней и не говорить... И если двѣ пьесы были „гвоздями“ сезона, то только благодаря достоинству ихъ самихъ, какъ произведеній, и превосходному исполненію, несмотря на режиссерскую безпомощность. „Склепъ“ нашелъ отличныхъ исполнителей, типичныхъ, яркихъ, а „Эросъ и Психея“ имѣлъ красивыхъ, полныхъ энтузіазма истолкователей, ведшихъ, эту громоздкую пьесу съ исключительной энергіей и силой выраженія.

И такъ, къ какимъ же мы можемъ придти теперь выводамъ? Конечно, прежде всего—къ тому, что совмѣстная дѣятельность двухъ однородныхъ театральныхъ предпріятій въ Харьковѣ (драмы или—чего Боже храни—оперы!) немисливо безъ огромныхъ матеріальныхъ потерь, покрыть которыя не въ силахъ даже „солидное“ предпріятіе. Мы видѣли, что и та и другая труппа потеряла часть своего заработка,—въ одномъ случаѣ 12%, а въ другомъ 30%. Что же можетъ быть, если у одного предпріятія не окажется благотѣльной феи, а у другою—меченатствующаго сибиряка?! Конечно, крахъ—и крахъ самый жалкій, самый позорный! Но и въ художественномъ отношеніи это совершенно нелѣпая вещь: нельзя какъ слѣдуетъ не только поставить, но даже обдумать какую нибудь заурядную пьесу, не говоря уже о крупныхъ произведеніяхъ: перехватятъ; публика лишена, такимъ образомъ, возможности видѣть пьесы въ надлежащемъ исполненіи и фиксировать свой интересъ къ театру. Замѣтьте, вѣдь, и въ столицахъ каждый драматическій театръ имѣетъ свою строгую индивидуальность,—у насъ

же только тѣ пьесы ставились спокойно, которыя приобрѣтались въ исключительную собственность, т. е. не принадлежали ни одному изъ обществъ драматическихъ писателей.

Вотъ почему я съ ужасомъ и страхомъ смотрю на будущее, пытаюсь тѣшнѣе проникнуть завѣсу его... Неужели у насъ снова будутъ двѣ драмы? За счетъ кого же наши импресарио будутъ грызть другъ друга? Если въ минувшемъ сезонѣ это сдѣлано было отчасти на крохи актеровъ и вообще за „шереметьевскій счетъ“,—то въ предстоящемъ, вѣдь, возможно оно только за счетъ актеровъ! И какими безумцами, на мой взглядъ, представляются тѣ, кто вѣрится въ благоприятный исходъ такого ратоборства... Г. Соколовскій формируетъ труппу—и уже, конечно, безъ *гарантіи* 70%, а предлагаетъ полнымъ рублемъ жалованья. Такимъ образомъ, онъ увѣренъ, что будетъ „держатъ“ драму въ Харьковѣ, и въ театрѣ Коммерческаго клуба, *по арендѣ* котораго у него есть весьма солидный компаніонъ. Но аренда театра и антреприза не одно и то же. Г-жа Шорохова, получившая всѣ права г. Линтварева по театру, далеко еще не рѣшила сама (основываясь на вѣрномъ источникѣ), что и какъ будетъ съ ея театромъ: будетъ ли въ немъ драма или опера, и весь ли сезонъ или половину только. Конечно, цѣлесообразно было бы водворить нашихъ двухъ богинь—Талию и Мельпомену—въ ихъ насиженные чертоги, но это было бы возможно только тогда, если бы театры не были въ рукахъ двухъ драматическихъ антрепренеровъ и если бы оперная импресса не была несравненно болѣе рискованной, чѣмъ драматическая. Я лично, поэтому, не вижу выхода, хотя городское управленіе и разрѣшило своему контрагенту имѣть оперу...—въ этомъ загрязненномъ, обшарпанномъ, съ сквозняками и вонью театрѣ! Сомнѣваюсь, что въ этомъ театрѣ опера могла бы привлечь публику!.. Стало быть, надо совершить мѣну,—слѣдуетъ хоть на сезонъ обмѣняться театрами? Да, это было бы цѣлесообразнѣе... Но, во 1-хъ, нѣтъ опернаго антрепренера (настоящаго, съ которымъ можно имѣть дѣло *на сезонъ*, а не на часть его), и, во 2-хъ, самое главное—г. Линтваревъ (или г-жа Шорохова) ни за что, конечно, г. Соколовскому и иже съ нимъ не уступитъ театра подъ драму даже на одинъ сезонъ, зная, что тогда харьковская драма уже навѣрное останется въ рукахъ не г. Линтварева или г-жи Шороховой. Таковъ мой прогнозъ. Думаю, что я не ошибаюсь. Ставлю его прямо и открыто, имѣя въ виду одну только предостерегающую цѣль: да знаютъ дѣятели нашей сцены, на что и для чего ихъ будутъ звать, чтобъ въ случаѣ неудачи не плакались на постигшій ихъ матеріальный уронъ и художественное разочарованіе. Dixi.

Г. Тауритовъ.



Провихціалъная лѣтонись.

ТИФЛИСЪ. Товарищество новой драмы подъ конецъ сезона поставило „Стѣны“, „Отмѣтку въ поведеніи“, „Преступленіе и наказаніе“, „Хаосъ“ и возобновило „Акробатовъ“. Наиболее жизнеспособной оказалось произведеніе Найденова, въ которомъ очень хорошъ г. Нароковъ (Артамонъ), пьеса прошла три раза и дѣлала сборы. Что касается „Хаоса“, то публика усмотрѣла въ пьесѣ нѣчто вродѣ пасквиля на освободительное движеніе. Итоги сезона товарищества въ матеріальномъ отношеніи довольно плачевныя. Пайщики потеряли свои пай, и не дополучили мѣсяца за два. Труппѣ уплачено полностью. И въ художественномъ отношеніи подъ конецъ сезона товарищество пошло на убыль. Появились произведенія, въ которыхъ артисты чувствовали себя не въ своей тарелкѣ. Укажу напримѣръ на крайне неудачную постановку „Измѣны“.

Кромѣ г. Нелидова, о которомъ я писалъ уже неоднократно, большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ пользовался г. Нароковъ. У артиста большой темпераментъ и умѣнье брать публику. Я не скажу чтобы у него чувствовалась кабинетная работа надъ ролями. Роли у г. Нарокова въ большинствѣ случаевъ не отдѣланы, и играетъ онъ, подобно актерамъ старой школы, больше нутромъ. И производить сильно впечатлѣніе. Подававшій большіе надежды въ началѣ сезона г. Закушнякъ типичный невврастеникъ, импрессионистъ, артистъ безспорно способный, къ концу сезона какъ-то опустился. Г. Загаровъ въ противоположность г. Нарокову большой работникъ. Его Солонъ („Благо народа“) античная фигура—такъ и просится на полотно. Превосходный Порфирій Петровичъ въ „Преступленіи и наказаніи“. О г. Снигиревѣ я уже писалъ. Живо, подвижный съ большимъ юморомъ. Режиссеръ труппы г. Унгернъ игралъ неровно. Были роли блѣдныя, незаконченныя, расплывчатыя, и въ то же время ему удавалось создавать цѣльныя фигуры: ученикъ—„Отмѣтка въ поведеніи“, баронъ—„Хаосъ“. За послѣднее время замѣтные успѣхи сдѣлалъ г. Давидовскій. Изъ второстепенныхъ исполнителей въ этомъ сезонѣ заслуживали вниманія гг. Брянскій и г. Подгорный, всегда крайне добросовѣстно относящіеся къ своимъ ролямъ.

Среди женскаго персонала первое мѣсто занимали г-жи Нарбекова и Будкевичъ. Если не считать очень неудачной попытки г-жи Нарбековой сыграть Зейнабъ въ „Измѣнѣ“, нѣсколько однообразной по тону Дины въ „Городѣ“, артистка дала въ сезонѣ цѣлый рядъ яркихъ законченныхъ типовъ. Г-жа Жукова подкупала публику своимъ музыкальнымъ голосомъ и искренней передачей ролей молоденькихъ дѣвочекъ. Г-жа Ремизова очень полезная артистка на роли ingénue-dramatique. Толково и добросовѣстно проводила роли, но отъ исполненія всегда вѣетъ холодомъ.

Въ небольшихъ эпизодическихъ роляхъ хороша г-жа Сафонова.

На смѣну Товариществу новой драмы со второй недѣли начинаются гастроли артистовъ малаго театра гг. Тинскаго, Блюменталь-Тамарина, г-жи Ивановой, а также г-жи Юрьевой. Антрепризу держитъ молодая предпринимательница, мѣстная уроженка г-жа С. М. Михайловская (псевдонимъ), репертуаръ намѣченъ довольно пестрый. Изъ труппы товарищества остаются служить у г-жи Михайловской г. Нелидовъ, и суфлеръ г. Валикъ.

Теперь объ оперѣ. Послѣ краха и бѣгства г-жи Нордштремъ, оставшіеся на мели артисты, хоръ, балетъ и оркестръ, составили соединенное товарищество, чтобы имѣть возможность получить хоть часть недоплаченныхъ г-жей Нордштремъ денегъ. Такъ какъ покровительствующая антрепризъ дирекція, на иныхъ условіяхъ не соглашалась помочь артистамъ.

Въ чемъ выразилась эта помощь читателямъ извѣстно. О какомъ-нибудь заработкѣ, за послѣднія двѣ недѣли не могло быть и рѣчи, потому-что львиную долю поглощали гастролеры г-жа Гонзаго и г. Вентура, наслѣдіе г-жи Нордштремъ. Обойтись безъ нихъ товарищество не могло, т. к. сами по себѣ артисты, и надо сознаться откровенно, и репертуаръ большого интереса для публики не представляли. Вдобавокъ съ исчезновеніемъ г-жи Нордштремъ, исчезъ и главный капельмейстеръ г. Бернарди, и оркестръ очутился въ рукахъ мало опытныхъ концертмейстеровъ гг. Панаева и Слуцкаго, да изрѣдко въ качествѣ гастролера, за дирижерскій пультъ садился г. Гонзаго. Впрочемъ нельзя сказать чтобы и г-жа Гонзаго и г. Вентура дѣлали хорошіе сборы. Чѣмъ объяснить такое равнодушіе публики къ пѣвцамъ, безусловно заслуживающимъ вниманіе, трудно объяснить. Приѣхали-ли публикѣ вообще заѣзженный репертуаръ гастролеровъ, или тутъ игралъ роль инцидентъ съ г-жей Ванъ-Брандтъ? Скорѣе послѣднее.

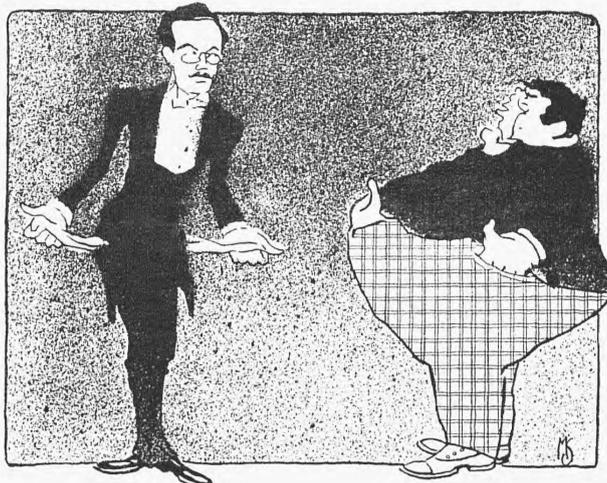
Три гастролы г-жи Ванъ-Брандтъ, выступившей вновь подъ конецъ сезона, сдѣлали хорошіе сборы, и успѣхъ артистка имѣла большой. Хотя, чтобы быть вполне безпристрастнымъ, долженъ сказать, что какъ пѣвица г-жа Гонзаго стоитъ выше г-жи Ванъ-Брандтъ. Такую чистоту колоратуры и виртуозность, какую проявляетъ г-жа Гонзаго рѣдко можно встрѣтить въ наше время. Но у г-жи Ванъ-Брандтъ есть преимущество. Она хорошая драматическая артистка, а г-жа Гонзаго только ласкаетъ слухъ. Въ прошедшемъ сезонѣ г-жа Нордштремъ, увлекаясь опереткой, не сообразовала поставить ни одной новой оперы. Товарищество подъ конецъ сезона въ бенефисъ г. Сангурскаго поставило старую новинку давно забытую „Донъ-Пасквале“. Бенефициантъ пѣлъ главную партію, и надо отдать ему справедливость, былъ хорошъ. Вообще въ партіяхъ, не требующихъ мощи голоса, г. Сангурскій имѣетъ успѣхъ. Вдобавокъ у артиста недюжинное комическое дарованіе. Изъ остальныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которыхъ мнѣ удалось прослушать за короткое время существованія Товарищества (во время антрепризы мнѣ, какъ корреспонденту „Театра и Искусства“, входъ въ казенный театръ былъ недоступенъ), отмѣчу баритона г. Модестова, теноровъ гг. Чарова и Горянскаго; изъ пѣвицъ г-жъ Сантагона, Павловскую, Долешъ.

Народные спектакли въ авальской аудиторіи, временно приостановленные въ виду событій прошлаго года, возобновились въ сезонѣ 1906—07. Втеченіе сезона поставлено 35 спектаклей, исполнено 25 пьесъ. Изъ новыхъ постановокъ отмѣчу „На днѣ“, „Докторъ Штокманъ“ и „Вечернюю Зорю“. Съ января начало свою дѣятельность новое общество народныхъ развлеченій, которое пока имѣетъ небольшой залъ, гдѣ по субботамъ устраиваются бесплатныя чтенія, а по воскресеньямъ литературно-музыкальные вечера платныя. *Песня.*

УФА. 4 марта закончили спектакли драматической труппы подъ режис. П. И. Васильева въ театральномъ залѣ въ д. Паршина (антреприза Д. Е. Кляузникова).

Истекшій сезонъ слѣдуетъ признать очень удачнымъ. Несмотря на массу неблагоприятныхъ для театра условій (сильный недородъ въ губерніи, неимоверное количество благотворительныхъ вечеровъ, обиліе пріѣзжихъ концертантовъ—Фигнеръ, Долина, Завадскій и друг.)—антреприза получила за сезонъ чистой прибыли 1803 р. 24 коп. Съ 1-го октября по 4-е марта поставлено 126 спектаклей и взято валового сбора 23,070 руб. 48 коп. Изъ исполнителей успѣхомъ пользовались: г-жи Троицкая, Никольская, Калмыкова, г. Горинъ, Орловъ, Данатовъ-Ярцевъ, какъ безусловно способные и серьезно относящіеся къ дѣлу—особенно г. Горинъ и г-жа Троицкая. Изъ новыхъ пьесъ въ теченіе сезона прошли: „Вечерняя зоря“ (3 раза), „Оживающая пустыня“ (2 раза), „Юная буря“ (2 раза),

ИТОГИ СЕЗОНА.



А. Б. Вилинскій (оперетка) В. А. Казанскій (фарсъ)
— Я не ѣмъ Геркулесъ. — Я ѣмъ Геркулесъ.
(Шаржъ). Рис. М. Слѣпьяна.

„Спаситель“ (2 раза), „Шерлокъ Хольмсъ“ (4 раза), „Слобода Неволя“, „Варвары“ (3 раза), „Вопросы чести“ (2 раза), „Строители жизни“ (2 раза), „Среди цвѣтовъ“ (2 раза), „Мориани“ (3 раза), „Порченныя“ (2 раза), „На пути въ Сіонъ“ (2 раза), „Въ городѣ“ (2 раза), „Отмѣтка въ поведеніи“ (3 раза), „Подъ гнетомъ насилія и произвола“ (2 раза), „На распашку“ (4 раза), „Туннель“, „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“ (2 раза), „Кровавый потокъ“, „Стѣны“ (2 раза), „Недруги“ (2 раза), „Союзъ молодежи“, „Никудышники“ (2 раза), „Ради ближняго“, „Агитаторы“, „Хаосъ“...
М. А.—р.

ВЯТКА: Антреприза С. З. Ковалевой. Съ 1 октября, дня открытія сезона, поставлены были слѣдующія пьесы; „Работство“, „Среди цвѣтовъ“, „Безправная“, „Пустоцвѣтъ“, „Новая жизнь“, „Фимка“, „Юная буря“, „Жажда богатства“, „Идіотъ“, „У моря“, „Трильби“, „Въ новой семьѣ“, „Перекаты“, „Крикъ жизни“, „Трудъ и капиталъ“, „Ганеле“, „Спаситель“, „Расплата“, „Горе—злосчастіе“. „На днѣ“, „Оживающая пустыня“, „Иванъ Мироновичъ“, „Трое“, „Листья шелестятъ“, „Расточитель“, „Неводъ“, „Агитаторы“, „Борьба за существованіе“, „Тюрьма“, „Шахта Георгій“, „Весенний потокъ“, „Лиса Патрикѣвна“, „Орленокъ“, „Шерлокъ Хольмсъ“, „Федоръ Іоановичъ“, „Варвары“, „Петербургскія трущобы“, „Мадамъ Санъ-Женъ“, „Докторъ Штокманъ“, „Примадонны“, „Одинокіе“, „Евреи“, „Новый мѣръ“, „Ревизоръ“, „Рабочая слобода“, „Обвиняемая“, „Каменотесы“, „Полудѣвы“, „Строители жизни“, „Медея“, „До восхода солнца“, „Женская вопшка“, „Тунель“, „Колдунья“, „Поединокъ“, „Нищія духомъ“, „Разбойники“, „Въ городѣ“, „Склепъ“, „Коварство и любовь“, „Цѣпи“, „Вечерняя зоря“, „Рабыни веселья“, „На распашку“, „Плоды просвѣщенія“, „Снѣгурочка“, „Погромъ“. Труппа состоитъ изъ г-жъ Отрадиной (ком. старуха), Яновской (героини) Нѣгиной (вторая кокетъ), Раевской (инженер-комикъ), Сергѣевой (втор. стар.), Москвиной (характ. роли) и Сѣверской (драм. инженеру) и гг. Степанова (резонеръ), Володина (неврастеникъ), Муравьева-младшаго (любовникъ), Максимовича (ком.-резонеръ), Муравьева-старшаго (герой), Арнольдъ (второй комикъ), Мацкаго (комикъ), и на вторыя роли Варъ-Яновскій, Истоминъ, Неофитовъ и Завалишинъ. Режиссеръ А. В. Соколовъ, помощникъ режиссера И. В. Максимовичъ, декораторъ Неофитовъ и администраторъ Н. Н. Мацкій.

Дѣла не дурны. Г-жа Ковалева держитъ также театръ въ Тюмени, гдѣ она тоже дѣлаетъ хорошія дѣла.

Л. Зайдель.

САМАРА. Сезонъ въ городскомъ театрѣ (антреприза Н. Д. Кручинина) открылся 23 сентября „Вишневымъ садомъ“. Въ первую половину сезона выданы постановкой: „Трудъ и капиталъ“ (прошедшій 8 разъ), „Погромъ“ (4 раза), „Новая жизнь“ (4 раза), „Варвары“ (3 раза), „Каменотесы“ (3 раза) и конечно, неизбѣжный „Шерлокъ Хольмсъ“, нашедшій талантливаго и умнаго исполнителя заглавной роли въ лицѣ г. Людвигова и сыгранный 12 разъ при неослабномъ вниманіи публики. Въ „Погромѣ“ выдѣлились особенно удачнымъ исполненіемъ ролей г-жа Саблина-Дольская и гг. Агаревъ и Новиловъ; въ „Новой жизни“—гг. Новиковъ и Людвиговъ.

Изъ пьесъ, шедшихъ во вторую половину сезона, можно отмѣтить: „Фимку“ (поставл. въ первый разъ въ бенефисъ г-жи Саблиной-Дольской), „Царя Феодора Іоановича“ (бенефисъ г. Агарева), „Въ городѣ“ и „Стѣны“.

Изъ приведеннаго перечня пьесъ видно, что г. Кручининъ знакомилъ самарскую публику со всѣми выдающимися новин-

ками сезона (кромѣ названныхъ, были поставлены „Отмѣтка въ поведеніи“, „Седьмая заповѣдь“, „Вечерняя зоря“, „Новыя приключенія Шерлока Хольмса“, „Моріани“ и друг.).

Обставлялись спектакли тщательно и съ большимъ вкусомъ, что впрочемъ вполне естественно, такъ какъ режиссеромъ труппы былъ Л. К. Людвиговъ, старый и опытный артистъ.

Наибольшимъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ пользовались: г-жи Ильина-Петросьянъ, Стопорина и Саблина-Дольская и гг. Агаревъ, Людвиговъ, Новиковъ и Любинъ (послѣдней, впрочемъ, можетъ быть поставлена въ упрекъ нѣкоторую однообразность его игры); изъ остальныхъ отмѣтимъ: г-жъ Петрову, Надеждину, Эмскую и гг. Чембарова, Вержбовскаго и Ваянова.

ВОРОНЕЖЪ. Г. Струйскій до послѣднихъ дней продолжалъ знакомить публику съ новинками столичныхъ театровъ. Прошли слѣд. пьесы: „Коринское чудо“ (2 раза), „Трагедія ученика“, „Сестра Беатрисса“, „Стѣны“, „Полудѣвы“ (въ бенефисъ вторыхъ артистовъ).

Съ 5—15 февраля въ нашемъ городскомъ театрѣ играла италянская оперная труппа братьевъ Гонсалесъ. Все это время драматическая труппа отдыхала. Первые спектакли италянской оперы прошли при полныхъ сборахъ. Но послѣдующіе спектакли уже не собирали полного театра. Труппа совсѣмъ неважная. Хороши были только оба тенора: г. Бальбони лирической теноръ и г. Прокаціо—драматическій теноръ и отчасти г. Пипьятара—баритонъ. Всѣ остальные артисты, особенно женскій персоналъ, ниже всякой критики, хоръ и оркестръ плохи. Репертуаръ состоялъ изъ старыхъ заигранныхъ оперъ.

16 февраля возобновились спектакли драматической труппы фееріей „Гибель фрегата Медузы“, поставленной въ бенефисъ декоратора драматической труппы г. Хохлова. Поставлена феерія довольно недурно, но сбора не дала. 18 февраля поставили пьесу Навроцкаго „Стѣнка Разинъ“. Пьеса дала полный сборъ. Въ народномъ домѣ около мѣсяца играла малороссійская труппа подъ управленіемъ Чернова. Премьершей труппы была г-жа Жданова. Труппа въ общемъ довольно посредственная, но все-таки дѣлала недурные сборы. Кромѣ старыхъ обычныхъ пьесъ малороссійскаго репертуара поставили новую пьесу „За правду и волю“. Горячія тирады героя пьесы, борющагося съ темными силами за правду, землю и волю, съ энтузиазмомъ принимались публикой. Этого было достаточно, чтобы пьеса эта была запрещена къ постановкѣ. Ставили, конечно и пресловутую „Гейшу“, безъ которой почему-то не обходится ни одна малороссійская труппа. 23 февраля труппа распростилась съ Воронежомъ. *Д. Златогорскій.*

МИНСКЪ. 4-го марта въ Литературно-Артистическомъ обществѣ бенефисомъ артиста о-ва Н. М. Амалина-Рутковскаго, подъ режиссерствомъ котораго была поставлена драма Гейерманса „Гибель надежды“ закончился сезонъ. И постановка, и исполненіе вышли удачными. Бенефициантъ выступилъ въ роли Герта.

Этотъ сезонъ лучшей какъ по репертуару, такъ и по исполненію. Спектакли завоевали прочныя симпатіи публики и поощались ею весьма охотно. Съ начала сезона подъ режиссерствомъ артиста С. В. Дмитріева были поставлены слѣдующія пьесы: „Евреи“ (5 разъ), „Соколы и вороны“, „Безъ солнца“, „Чайные люди“ (2 раза), „Весенній потокъ“ (2 раза), „Тюрьма“ (2 раза), „Честь“, „Слѣдователь“, „Въ огнѣ“, „Первая ласточка“, „Непогребенные“ (2 раза), „Юная буря“ (2 раза), „Золотое руно“, „Врагъ народа“, „Молодежь“, „Грядущій разсвѣтъ“ (3 раза), „Поединокъ“ (2 раза), „Дѣти солнца“ (2 раза), „На пути въ Сіонъ“, „Теплые ребята“, „Домашній столъ“, „Ужасъ жизни“, „Сынъ Императора“ (бен. г. Дмитріева), „Горе отъ ума“ (2 раза) (первый разъ въ бен. арт. Г. Солнцевой), „Отмѣтка въ поведеніи“ (2 раза 1-й разъ въ бен. арт. Лернера) и „Гибель Надежды“ (бен. арт. Амалина). Отмѣтимъ еще очень удачное чествованіе памяти Т. Г. Шевченко либелетями-малороссами. *Т. В.*

КУРСКЪ. Пятый зимній сезонъ (Дирекція князя И. В. Мамлѣва-Погуляева), начавшійся 1 октября „Горемъ отъ ума“, заканчивается бенефисомъ директора, остановившемся на пьесѣ Гославскаго „Расплата“. За истекшій сезонъ было поставлено 126 спектаклей. Преобладалъ исключительно новѣйшій репертуаръ. Спектакли обставлялись правильно, благодаря опытности и дѣятельности режиссера г. Воярова. Сборы, на кругъ, по 270 р. Наибольшій успѣхъ имѣли, прошедшія при полныхъ сборахъ и нѣсколько разъ, слѣдующія пьесы: „Шерлокъ Хольмсъ“, „Въ городѣ“, „Президентъ верховнаго суда“, „Стѣны“ и „Слобода Неволя“. Труппа имѣла значительный успѣхъ. Изъ артистокъ пользовались большой симпатіей у публики: г-жа Лешинская (ingénue dramatique) и г-жа Дмитріева (драм. и ком. старуха), г-жа Корть „старая знакомая“ и „любимица“ курчанъ, по болѣзни, за весь сезонъ выступила только 3 раза („Безуміе любви“, „Юла“ и „Волшебная сказка“).

Г-жа Борецкая и г-жа Волянова были вполне на мѣстахъ—первая въ роляхъ grande coquette, а 2-я grande dame, за роли героинь браться имъ не слѣдуетъ. Изъ мужского персонала выдѣлялись: ветеранъ русской сцены г. Никитинъ-Фабіанскій

(прекрасный исполнитель ролей: Фамусова, Городничаго и Любимъ-Торцова), г. Алашеевскій (хорошій Грозный „Слобода Неволя“, выдержанный Гланкъ „Въ городѣ“, реальный Эбгардъ „Пляска Смерти“) и г. Погуляевъ какъ герой резонеръ и фатъ. Любownikъ—г. Гаринъ—не лишентъ темперамента, но еще новичекъ на сценѣ. Кромѣ того, артистъ совсѣмъ не умѣетъ гримироваться. Гораздо опытнѣе и вдумчивѣе—2-ой любовникъ г. Арскій, подающій большія надежды. Недурной и опытный актеръ исключительно на характерныя роли—г. Сокольскій. *Можя № 19.*

РОСОВЪ-НА-ДОКУ. Зимній сезонъ въ двухъ нашихъ театрахъ закончился въ матеріальномъ отношеніи благополучно. Прошлое мое письмо я цѣликомъ посвятилъ дѣятельности режиссера нашей драмы А. А. Туганова. То, что я писалъ о г. Тугановѣ—обо всемъ этомъ и гораздо ярче оповѣщено въ четырехъ мѣстныхъ газетахъ. Что же, заговоръ противъ г. Туганова, что ли? А знаете какъ г. Тугановъ реагируетъ на такое единогласное мнѣніе? Онъ просто на все... плюетъ. Весь сезонъ въ машонкинскомъ театрѣ держался на мелодрамахъ, да на пьесахъ, гдѣ бы г. Туганову показать себя въ роляхъ рубашечныхъ любовниковъ. И вотъ, на масленицѣ, такъ, безъ всякой причины, онъ ставитъ вдругъ фарсъ „Радій въ чужой постели“. Для чего? Для кого? Если бы сезонъ былъ построенъ на фарсахъ и легкой комедіи, еще куда ни шло, а то, такъ, здорово живешь. Имѣя подъ рукой массу играныхъ пьесъ, для послѣдняго спектакля, когда можно повторитъ любую пьесу, гдѣ бы по традиціямъ вся труппа имѣла бы возможность попроситься съ публикой, г. Тугановъ, не жалѣя товарищей, ставитъ вдругъ, заставляя играть дважды въ день, „Идиота“. Какъ ни пряталъ концы, а видно, что лестно сыграть Рогожина.

Я послѣднее время не ходилъ въ машонкинскій театръ, не видѣлъ прощальнаго спектакля, какъ не былъ и на спектаклѣ родного мнѣ и близкаго по прошлому Театрального Общества. Спектакль этотъ состоялся 26 февраля. Ставили „Елену“ въ исполненіи драматической труппы и „Свадьбу“ Чехова—опереточной. Былъ еще балетъ, дивертисментъ. Были новинки. Залъ превратили въ кафе-шантанъ, со столиками, напитками, кушаньями. Все было переполнено. Говорятъ о колоссальной суммѣ валового сбора—что-то около 4 тысячъ.

Оперетка закончилась бенефисомъ антрепренера. Вообще, вся недѣля масленицы, утромъ и вечеромъ, все было отдано бенефисамъ. Были бенефисы хора, помощника режиссера, суфлера, по третьему бенефису главарей, былъ бенефисъ примабалерины Смирновой и отдѣльный бенефисъ танцовщицъ. Со всѣми бенефисами я согласенъ, но и въ быломъ и теперь не понимаю значенія бенефиса антрепренера! Развѣ только для того ставится фирма, чтобы взять бенефисныя цѣны?

Г-жа Яворская въ мѣстной печати опровергаетъ наши сообщенія о томъ, что она набрала нѣсколько театровъ и всѣ для драмы, и всѣ для репертуара Яворской. Дѣйствительно, таганрогскій и новочеркасскій театры, куда она подавала заявленія, попали Крылову, но за ней—она это подтверждаетъ—Тифлисъ, Ростовъ (машонкинскій) и Нахичевань. Я уже видѣлъ много театральныхъ раритетовъ до исполненія „Разбойниковъ“ (Франца и Карла) однимъ лицомъ, но не могу сообщить, какъ это г-жа Яворская сумѣетъ сразу играть въ трехъ городахъ? Просилъ бы г-жу Яворскую какимъ-нибудь сообщеніемъ въ мѣстной печати вразумить меня, неразумнаго...

В. Камневъ.

СИМБИРСКЪ. Зимній сезонъ окончился 4 марта. Поставлены были въ прощальный бенефисъ антрепренерши Е. В. Неволиной двѣ пьесы: „Кавказскія ночи“ драм. миниатюра въ 1 д. Г. Ге и „Губернская Клеопатра“.

Въ продолженіе сезона пользовались успѣхомъ: изъ женскаго персонала: А. В. Шейндель (героиня) и К. П. Стоянова (Водевильная); изъ мужского Н. А. Борисовскій (комикъ), К. В. Зеновъ (простакъ), М. Ф. Незнамовъ (2-й любовникъ) и И. М. Либановъ-Ильинскій (характерныя роли). Репертуаръ былъ чрезвычайно разнообразный: „Докторъ Штокманъ“ и „Подъ звуки Шопена“, „Ревизоръ“ и „Шерлокъ Хольмсъ“ (прошелъ 3 раза), „Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ“ и „Кровавый потокъ“ и т. п. въ томъ же духѣ. Въ матеріальномъ отношеніи дѣла шли средне: собрано что-то около 35 тысячъ. На будущій зимній сезонъ театръ сланъ Каралли-Торцову.

На постъ пріѣхала труппа комической русской оперы и оперетты подъ управленіемъ дирижера І. Ф. Шульцъ. Составъ: Л. К. Зимма-Волкова, Н. Ф. Чарновская, Е. И. Жилина, Н. П. Галицкая, А. П. Смѣльская, М. Е. Солнцева, А. Д. Шерь, Л. К. Янушкевичъ, В. Ф. Кудѣ, Е. П. Ангелова, А. Д. Писаревъ, С. Н. Задольскій, М. М. Жилинъ, Р. А. Елиновъ, А. М. Самаринъ-Волжскій, М. А. Стрѣльскій, Л. Е. Розень, А. А. Стукевичъ. П. А. Солнцевъ. Главный режиссеръ А. Д. Писаревъ, режиссеръ П. Д. Валаховъ, дирижеръ І. Ф. Шульцъ, хормейстеръ М. А. Стрѣльскій, суфлеръ Д. К. Строевъ, администраторъ А. П. Стрѣльская. Хоръ изъ 20 человекъ. Собственный оркестръ изъ 18 человекъ. *Н. А. Д.—нѣ.*

РОЯЛИ ПИАНИНО



К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

Ищеть ангажемента

на лѣто артистѣ (амплуа) комикъ-про-
стакъ въ драмѣ и фарсѣ на 2-ья и 3-и
роли. Окладъ по условію.
Адресъ: Вознесенскій пр., д. 47, кв. 36,
Федоръ Давыдовичъ Славскій.
Согласенъ въ отвѣдъ. 1—1

АРТИСТЪ

только что вернувшійся изъ провинціи
П. Е. Григорьевъ,
неграбникъ, драматическій любовникъ и
характерный роли.—свободенъ на лѣто.
Письменно: С.-Петербургъ, Вас. Остр.
13-я л., д. 46, кв. 17. 1—1

АРТИСТЪ

Иванъ Ивановичъ Дибировъ на вторыя
роли и какъ помощникъ режиссера свободенъ
на лѣто. Адресъ: городъ Николаевъ, Потем-
кинская ул., д. № 37. 2—1

ДАМСКІЕ НАРЯДЫ,

Модныя платья, костюмы, верхи, вещи,
мѣх. Вѣлы. Старин. кружева.

ПОКУПАЮ, ПРОДАЮ.

Москва, Тверская, Колицкій, д. Бахрушина,
подъвѣдъ 2. 52—11

Къ свидѣнію гг. артистовъ!

Кому нужно хорошо
одѣваться?

изячно и не дорого!!

Вновь открытый магазинъ
мужского платья

І. ТАНКЕЛЬ.

Вознесенскій просп. № 7. (про-
тивъ Государств. Совѣта).

имѣется

ПОСТОЯННО БОГАТЫЙ ВЫБОРЪ

Для пріема заказовъ самыхъ новѣй-
шихъ рисунковъ матеріала лучшихъ
Англійскихъ, Французскихъ и Русскихъ
фирмъ.

Всѣ заказы исполняются по послѣднимъ
журналамъ Парижа и Лондона, акку-
ратно и точно къ назначенному сроку
въ собственныхъ мастерскихъ подъ не-
посредственнымъ моимъ личнымъ наблю-
деніемъ. 26—26

ХЕРСОНСКІЙ

Городской театръ

Свободенъ на Пасху и
Фоминую недѣлю.

Условія: Городская Управа.

2—2

г. Кіевъ

Театръ „Соловцовъ“

сдается

на постъ и Пасху

9—9

Невское Общество

устройства народн. развлеченій.

(Шлиссельб. просп. 25).

Сдается на лѣтній сезонъ садъ
оъ театромъ на 1600 мѣстъ
и открытой сценой.

Съ предложеніями обращаться
письменно или лично къ Пред-
сѣдателю Общ. Гончарная ул.
д. 11, кв. 10. 2—2

ДАЮ УРОКИ театральной гримировки.

Гримьеръ-практикъ. Театральная парикмахер-
ская Максимова. Спб., Кирочная, 17.
26—21

ДЛЯ АРТИСТОВЪ

трико, фуфайки, ватоны и пр. изъ шелка,
шерсти, флѣдекоса и бумаги, можно
получить въ трикотажномъ заведеніи

К. Шубертъ,

поставщикъ Император-
скихъ театровъ. 10—8

Вознесенскій пр., д. № 36.

ПАРИКИ И БОРОДЫ

отъ 1 руб. за штуку.

Т. А. КРЕНТЦЕНЪ.

Контора и складъ: Сергіевская ул., д. № 3.
Мастерская: Безбородкинскій просп. Полто-
стровскій участокъ.

Прейсъ-Куранты высылаю по полученіи
30 коп. почт. марк. 25—17



ПАЛЬМЫ ЖИВЫХъ листьевъ
не требуютъ ни ухода, ни полива
и красное и практ. украшеніе
для КВАРТИРЪ, ЗИМНИХЪ СА-
ДОВЪ, ТЕАТРОВЪ, КЛУБОВЪ
и т. д., предлагаетъ въ действитель-
но большомъ выборѣ СКЛАДЪ
ПАЛЬМЪ С. Россенъ.
Кавказская ул., д. 26—27,
бѣль-этаж. Телефонъ № 244—54.

Слабыя въ развитіи или въ ученіи отстающія дѣти, а также малокровныя, себя слабо-
чувствующіе и нервныя, переутомившіяся, легко раздражающіеся взрослые всякаго воз-
раста употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство, съ большимъ успѣхомъ

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевные и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная
система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте навязывать
себѣ поддѣлокъ.

Превосход-
ное мыло

ВЕРА-ВІОЛЕТТА

НО ТОЛЬКО

С.-Петербургской ТЕХНО-Химической лабораторіи.

С.-Петербургъ, Лиговская, 123. — Продается вездѣ.